

ПОЛУПРОВОДНИК

РОМАН КУРТ

Роман Курт

Полупроводник

«Автор»

2026

Курт Р.

Полупроводник / Р. Курт — «Автор», 2026

Бывший Проводник Игорь Пиров узнаёт, что его пятилетняя дочь Анна — единственная, кто может остановить вторжение Теней. Но теперь ему предстоит защитить её от генерала, мечтающего превратить дар девочки в оружие, и от самой Тьмы, жаждущей поглотить её свет. А единственный способ спасти человечество может стоить Анне всего. Вторая книга трилогии Резонанс.

© Курт Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Курт

Полупроводник

ПОЛУПРОВОДНИК

Глава 1. Память

10.10.2022

Кладбище пахло ноябрём.

Игорь стоял у могилы уже двадцать минут, если верить внутренним часам, которые за восемь лет службы в ДМАЯ научились отсчитывать секунды без помощи циферблатов. Двадцать минут — достаточный срок, чтобы вспомнить всё. Недостаточный, чтобы хоть что-то понять.

Востряковское кладбище в середине осени — место, где даже вороны каркают тише обычного, словно стесняясь нарушить покой. Голые ветки берёз чертили по серому небу путаную кардиограмму. Мокрая земля чавкала под ногами, и этот звук был единственным, что нарушало тишину, — не считая далёкого шума электрички, который доносился сюда, за кладбищенскую стену, приглушённым, как сквозь вату.

Могила Артемия была ухожена. Марк лично следил за этим — приезжал раз в месяц, поправлял ограду, менял цветы, если старые увядали. Сейчас на холмике лежал венок из искусственных роз — ярко-красных, кричащих, совершенно не подходящих этому месту. Игорь знал, кто их принёс. Сергеич, сосед Артемия по гаражам, покупал такие в переходе метро, потому что «настоящие всё равно замёрзнут». В его логике был свой резон.

На памятнике из чёрного мрамора, значилось: «Артемий Сергеевич Волков». И ниже — две даты, между которыми уместилась целая жизнь. Игорь знал, что настоящая фамилия Артемия была другой — Смирнов, — но для всех, кто его знал, он был просто Артемием. Человеком, который чинил машины, носил монтировку за поясом и говорил мало, но всегда в точку.

«Не будь пустым, Пиров. Сделай что-нибудь».

Эти слова Игорь помнил так же ясно, как и в тот день, когда услышал их в последний раз. Они врезались в память, как осколок стекла, который нельзя извлечь, не повредив что-то важное. Артемий сказал это, умирая. Сказал, зная, что Игорь услышит. И Игорь услышал. И сделал. Сделал то, чего никто от него не ожидал, — спас мир, который, возможно, того и не заслуживал.

— Ты был прав, — сказал Игорь вслух. Голос прозвучал глухо, без отзвука, словно мокрая земля жадно впитывала каждое слово. — Я перестал быть пустым. У меня теперь есть Марьяна. Есть Анна. Есть работа, дом, яблони. Всё, о чём я даже не мечтал, когда ты был жив. Но знаешь, что самое паршивое?

Он замолчал, глядя на венок. Ветер шевельнул лепестки, и они зашуршали с тихим, пластмассовым звуком.

— Самое паршивое — что этого мало. Что всего этого мало, когда знаешь, что где-то там, — он поднял глаза к небу, — пробуждается такое, от чего не спасут ни монтировка, ни Плетение. Что, если я снова понадобится... а я уже не тот. Я пустой, Артемий. Не так, как раньше. По-другому. Раньше я был пустой, потому что ничего не помнил. А теперь я помню всё — и это не помогает.

Могила молчала. Могилы всегда молчат, это их главное свойство. Но Игорю показалось — или он сам себя убедил, — что где-то на уровне корней и грунтовых вод что-то шевельнулось. Не физически. Иначе. Так, как он научился чувствовать за последние три месяца —

с того самого дня, когда Альма, босиком стоявшая в траве под яблонями, сказала: «Сказка только начинается».

Он помнил тот день до мельчайших подробностей. Утро после сияния. Золотистое свечение на севере, которое он принял за знак. И Альма — реальная, сотканная из света и стекла, — которая пришла к нему в сад и рассказала о Тенях. О том, что замок, удерживавший их, разрушился вместе с Расколом. О том, что Единая Сущность — та, что родилась из слияния Кромта и Хранителя, — сражается на краю галактики, пытаясь сдержать натиск. О том, что силы её на исходе.

«Мне нужна физическая форма, Игорь. Я не могу действовать, я — лишь голос. Ты — единственный мост. Ты нужен снова».

Тогда он согласился. Не сразу — сначала был страх, была ярость, было отчаянное желание послать всё к чёрту и запереться в доме с семьёй. Но он согласился, потому что не умел иначе. Потому что Артемий сказал «сделай что-нибудь», и эти слова стали для него приказом, который нельзя нарушить.

Три месяца с того дня. Три месяца он жил в ожидании — ждал знака, ждал звонка, ждал, что Альма снова появится и скажет: «Пора». И теперь, стоя на могиле друга, он чувствовал, что ожидание подходит к концу.

Холод пришёл не сразу.

Сначала он подумал, что это просто ветер усилился — ноябрь в Москве вообще не располагает к долгим прогулкам. Но ветер дул с запада, а холод шёл откуда-то изнутри, от земли, от корней берёзы, которая росла у ограды метрах в двадцати от него. Холод такой особенный — тот, что не имеет ничего общего с температурой. Холод, который Игорь узнал бы из тысячи, потому что уже встречал его однажды. В подземной лаборатории НИИ «Нейрон». Когда Кромт разорвал реальность и показал ему Теней.

Искра в левом запястье проснулась.

Она всегда была там — с того самого дня, как Альма растворилась в Плетении Земли, оставив ему этот крохотный огонёк. «Малая искра, Игорь. Не сила, но память о силе». Память, которая месяцами молчала, а теперь вдруг заговорила, и голос её был резким, болезненным, как сигнал тревоги.

Игорь медленно, не делая резких движений, повернул голову.

С берёзой было что-то не так. Внешне она выглядела как обычное дерево — белый ствол с чёрными подпалинами, голые ветки, качающиеся на ветру. Но у неё не было тени. Солнце, с трудом пробивавшееся сквозь облака, лепило косые лучи на могильные плиты, на дорожки, на ржавые ограды — всё это отбрасывало тени. Берёза — нет. Она стояла в собственном луче, как будто свет проходил сквозь неё, не задерживаясь.

И в воздухе вокруг ствола дрожало марево. Как над раскалённым асфальтом в июльскую жару. Только сейчас был ноябрь, и асфальт был ледяным.

Тень.

Она не имела формы — по крайней мере, такой, которую способен воспринять человеческий глаз. Она была скорее отсутствием формы, дырой в реальности, притворяющейся объёмом. Но Игорь чувствовал её. Чувствовал искрой — та пульсировала в запястье, как второе сердце, посылая волны боли, — и чем-то более глубоким, чему не было названия. Может быть, это была память тела. А может — сам страх, обретший плоть.

«Игорь».

Голос раздался не снаружи — внутри. Не в ушах, а прямо в сознании, минуя барабанные перепонки. Мягкий, серебристый, с той особой интонацией, которую он узнал бы даже сквозь грохот артиллерийской канонады.

Альма.

«Ты чувствуешь это? Холод. Они приближаются. Тени. Здесь, в этом месте. Это разведчик. Не бойся — он слаб. Но он не один. Их становится больше с каждым днём».

— Где ты? — спросил Игорь шёпотом. Он не знал, нужно ли говорить вслух, но это помогало сосредоточиться.

«Я везде. И нигде. Плетение Земли — это я. Но моя сила рассеяна. Я не могу действовать. Могу только предупреждать. Слушай меня внимательно: Тени ищут. Они чувствуют Плетение. Они чувствуют тебя. И они чувствуют Анну».

При имени дочери внутри всё сжалось. Анна. Пятилетняя девочка, которая рисовала солнце и видела во сне «тётю Свет». Которая ещё не знала, что такое опасность, и верила, что папа может защитить её от всего на свете.

— Они знают о ней?

«Пока нет. Но узнают. Ты должен ускориться. Ритуал восстановления — единственный способ дать мне силу, чтобы я могла защитить этот мир. И твою дочь. Ты готов?»

— Я готов, — сказал Игорь. — Я обещал тебе три месяца назад. Я не отказываюсь.

«Тогда иди. И будь осторожен. Холод будет нарастать. Тени повсюду, но ты их не увидишь, пока они сами этого не захотят. Доверяй искре. Она предупредит».

Голос затих. Холод тоже начал отступать — Тень у берёзы дрогнула, сжалась в точку и исчезла, как будто её и не было. Дерево снова отбрасывало обычную, серую, дрожащую на ветру тень. Искра в запястье перестала пульсировать, оставив после себя только ноющую, затихающую боль, какая бывает после того, как отдёргиваешь руку от горячей плиты.

Игорь выдохнул. Он не замечал, что всё это время не дышал.

— Чёрт, — сказал он тихо. Потом, подумав, добавил: — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он наклонился, положил руку на могильный холмик. Земля была холодной и влажной — нормальная ноябрьская земля, без всяких примесей. Никаких следов Тени. Но под ней — он чувствовал это искрой — Плетение было тоньше, чем в остальных местах кладбища. Как будто здесь, в этой точке, реальность была чуть более прозрачной для того, что находилось за её пределами.

— Спасибо, — сказал он Артемию. — За всё. Я постараюсь. Снова.

Он развернулся и пошёл к выходу. Ноги слушались плохо, как после долгой болезни, но с каждым шагом возвращалась привычная тяжесть собственного тела. У ворот он обернулся ещё раз. Берёза стояла на месте, обычная, ничем не примечательная. Если бы кто-то проходил мимо, он бы ничего не заметил. Люди вообще редко замечают то, что не вписывается в их картину мира.

У ворот кладбища стоял его «Солярис» — всё тот же, с оторванным подлокотником и освежителем «Ёлочка» на зеркале заднего вида. Игорь сел за руль, захлопнул дверцу и несколько секунд просто сидел, приходя в себя. Потом достал телефон и набрал номер, который знал наизусть.

Гудок. Второй. Третий.

— Слушаю, — голос Марка Решетова был, как всегда, сух и деловит, но где-то на заднем плане Игорь услышал шорох бумаг и приглушённый гул голосов. Значит, опять в штабе. Значит, опять кипит работа.

— Это я, — сказал Игорь. — Только что на Востряковском. У могилы Артемия. Я видел Тень. И Альма подтвердила.

В трубке повисла пауза. Марк умел молчать так же выразительно, как другие люди умеют кричать. Его молчание всегда имело вес и текстуру — сейчас это была текстура тревоги.

— Ты уверен? — спросил он наконец.

— Искра сработала. И я слышал её голос.

— Альмы?

— Да. Она предупредила. Тени приближаются. Это уже не разведка, Марк. Это начало.

Марк снова помолчал. Потом заговорил — медленно, тщательно взвешивая каждое слово:

— У нас тоже есть новости. Спутники зафиксировали искажение реальности в Сибири — в районе падения зонда, который указала Альма. Эпицентр аномалии растёт. Температура падает, энергетический фон меняется. Если это связано с Тенями, то Сибирь — главные ворота.

— Альма говорила, что точка падения зонда — это место силы. Там Плетение наиболее концентрировано. Если Тени хотят прорваться, они ударят именно там.

— Согласен. — Марк помолчал. — Я собираю экспедицию. Прямо сейчас. Мы не можем ждать.

— Я лечу с тобой.

— Само собой. Ты — единственный, кто знает, как работать с Плетением. Даже если твоя сила угасла. — Он сделал паузу. — Как у тебя с искрой? Ты можешь её использовать?

— Не знаю. — Игорь машинально потёр запястье. — После сегодняшнего она болит. Но, может быть, это и к лучшему. Значит, жива.

— Хорошо. Тогда слушай: завтра утром я собираю совещание в штабе. Будет команда — мои люди, кое-кто из учёных, которых я подключил к исследованиям. Познакомишься. После-завтра — вылет в Сибирь. Успеешь уладить дела дома?

— Успею.

— Отлично. И, Игорь... — голос Марка стал мягче, что случалось с ним крайне редко, — ...я знаю, о чём ты сейчас думаешь. О семье. О дочери. Это нормально. Я тоже о них думаю. Поэтому я удвою охрану у твоего дома. Но ты должен понимать: главная защита для них — это то, что мы сделаем в Сибири. Если мы не восстановим Альму, Тени доберутся до всех.

— Я понимаю.

— Вот и славно. Тогда до завтра.

Марк положил трубку прежде, чем Игорь успел ответить. Всё та же старая привычка — заканчивать разговор на своих условиях. Но теперь в ней было что-то почти трогательное.

Игорь завёл мотор. «Солярис» заурчал — не космический корабль, не кристаллический собор, парящий над Землёй, а просто старая корейская машина с пробегом под двести тысяч. Но сейчас это было именно то, что нужно. Что-то простое, понятное, подчиняющееся законам физики, а не Плетения.

Он выехал на шоссе и влился в поток машин, двигавшийся в сторону Москвы. За окном тянулись подмосковные пейзажи — серые панельки, рекламные щиты, автозаправки, — и всё это было до слёз обычным. Игорь смотрел на всё это и думал о том, как странно устроено человеческое восприятие. Три месяца назад к нему в сад пришла инопланетная сущность и рассказала о древнем зле, пожирающем реальность. Сегодня он видел это зло в двадцати метрах от себя. А теперь он едет по МКАДу и думает о том, что нужно купить молока и хлеба.

Человек вообще существо удивительное. Он может принять что угодно и встроить это в свою картину мира — нужно только время.

Дом встретил его запахом грибного супа.

Игорь открыл дверь своим ключом и сразу понял: Марьяна нервничает. Она всегда готовила грибной суп, когда нервничала. Это был её личный ритуал — стоять у плиты, помешивать бульон, нарезать лук ровными кубиками, — способ занять руки и не думать о плохом. Способ, который помогал ровно до того момента, пока плохое не становилось реальностью.

— Я дома, — крикнул он с порога, снимая куртку.

Марьяна вышла из кухни. Живот уже был замечен — пятый месяц, — и она носила его с той особой грацией, с какой женщины носят то, что им дорого. На ней был старый фартук, а в руках — деревянная ложка, с которой капал бульон.

— Ты долго, — сказала она. Это не был упрёк. Это была констатация факта, за которой скрывалась тревога. — Я уже начала волноваться.

— Я был на кладбище. — Он прошёл в кухню и сел за стол. — А потом звонил Марку.

— На кладбище? — Марьяна нахмурилась. — Ты же был у Артемия на прошлой неделе. Что-то случилось?

Игорь помолчал, собираясь с мыслями. Он обещал ей — ещё три месяца назад, когда Альма впервые появилась в саду, — что больше ничего не будет скрывать. Что расскажет всё, даже самое страшное. Но от этого слова не становились легче.

— Я видел Тень, — сказал он наконец. — На кладбище. У берёзы. И Альма... она говорила со мной. Снова.

Марьяна замерла. Ложка застыла в воздухе, и капля бульона упала на пол — они оба этого не заметили.

— Тень, — повторила она. — Как тогда? В лаборатории?

— Да. Только слабее. Это был разведчик. Альма сказала, что они ищут. Что они чувствуют Плетение. И что их становится больше.

— И что она хочет?

— Того же, что и три месяца назад. Чтобы я помог ей восстановить форму. Для этого нужно ехать в Сибирь, к месту падения зонда. Марк уже готовит экспедицию. Послезавтра вылет.

Марьяна опустила ложку в кастрюлю и медленно, очень медленно вытерла руки о фартук. Потом села за стол напротив Игоря. Лицо у неё было спокойным — тем особым спокойствием, которое даёт только тем, кто много раз стоял на краю и знает, что паника не помогает.

— Ты ведь не хочешь ехать, — сказала она. Это был не вопрос.

— Нет. Не хочу. — Игорь потёр лицо ладонями. — Я хочу остаться здесь. С тобой. С Анной. С тем, кто ещё не родился. Я хочу просто жить, Марьяна. Просто быть мужем и отцом. Я заслужил это, чёрт возьми. Мы заслужили.

— Но ты поедешь.

— Да. Потому что если я не поеду, то скоро здесь нечего будет защищать.

Марьяна кивнула. Она понимала. Всегда понимала — с того самого дня, когда странный таксист с амнезией рассказал ей о Плетении и инопланетянах, а она поверила ему, потому что любила. И сейчас, глядя на неё, Игорь в очередной раз подумал, что ему повезло. Не с Плетением, не с искрой, не с инопланетными технологиями. С ней.

— Я еду с тобой, — сказала она.

— Нет.

— Игорь...

— Нет, — повторил он твёрже. — Ты останешься с Анной. И с малышом. — Он кивнул на её живот. — Вы — моя главная защита. Не физическая. Другая. Если я буду знать, что вы в безопасности, я справлюсь. Если вы будете рядом... я не смогу сосредоточиться. Я буду думать только о вас. А там, — он кивнул куда-то в сторону окна, за которым сгущались сумерки, — я должен думать о Плетении. О ритуале. О Тенях. Иначе я не выживу. И тогда не выживет никто.

Марьяна долго смотрела на него. Потом вздохнула — глубоко, прерывисто, — и кивнула:

— Хорошо. Я останусь. Но ты вернёшься. Слышишь? Вернёшься, и мы снова будем сидеть на этой кухне, и я буду варить тебе грибной суп, а ты будешь ворчать, что он слишком солёный.

— Он никогда не слишком солёный.

— Знаю. Но ты всё равно ворчишь.

Игорь улыбнулся — впервые за этот долгий, холодный день.

— Папа! Папа, смотри!

В кухню ворвалась Анна. Она была босиком, в пижаме с единорогами, с вечно растрёпанными волосами, которые Марьяна каждое утро пыталась заплести в косички, а Анна каждое утро их расплетала. В руках она держала лист бумаги, испачканный чем-то жёлтым и оранжевым.

— Я нарисовала солнце! — объявила она, протягивая рисунок. — Настоящее! Оно светится!

Игорь взял рисунок — и замер.

Солнце на рисунке действительно светило.

Не в переносном смысле — не яркими красками, не удачным сочетанием цветов. Оно светило в буквальном смысле: от бумаги шло слабое, но отчётливое золотое свечение, которое пульсировало в такт дыханию Анны. Тепло. Настоящее тепло — не то, что бывает от батареи или от камина, а другое, живое, проникающее под кожу и разливающееся по телу волной покоя.

Искра в запястье Игоря отозвалась — не болью, а тихим, умиротворённым звоном, словно камертон, настроенный на одну волну с рисунком.

— Анна, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, — когда ты это нарисовала?

— Только что! Я сидела в комнате, и мне стало грустно, потому что на улице серо. И я подумала: пусть будет солнце. И нарисовала. А оно взяло и засветилось! — Она захлопала в ладоши. — Красиво, правда?

— Очень красиво.

Марьяна подошла и встала рядом. Посмотрела на рисунок. Потом перевела взгляд на Игоря. В её глазах читался тот же вопрос, который бился сейчас в его голове: «Как? Как пятилетний ребёнок может заставлять свои рисунки светиться? Что это значит?»

— Аня, — сказала Марьяна, — а ты можешь сделать так, чтобы оно погасло?

— Конечно. — Анна провела ладошкой по рисунку, и свечение исчезло, словно кто-то выключил лампочку. — Видишь? Всё просто.

— И давно у тебя так получается? — спросил Игорь.

— Ну... — Анна задумалась, сводя бровки к переносице. — Сначала не получалось. Просто рисунки были. А потом — раз! — и получилось. Особенно когда я думаю о чём-нибудь хорошем. О маме, о папе, о тёте Свет. Тогда солнце светится сильнее. И не только солнце. Я ещё могу звёздочки рисовать, они тоже светятся, но слабее. А вчера я пыталась нарисовать кошку, но она не светила. Наверное, кошки не светятся.

Игорь и Марьяна переглянулись. Этот детский лепет, такой простой и невинный, звучал сейчас как приговор. Дар. У Анны был дар. Не имплантированный, не внедрённый в ходе секретных экспериментов, а естественный, рождённый вместе с ней. Природный Проводник — так назвала это Альма в пророчестве, которое Игорь ещё не читал, но уже предчувствовал.

— Солнышко, — сказала Марьяна, приседая перед дочерью, — а ты никому не показывала, как у тебя рисунки светятся?

— Нет. Только вам. Я хотела показать в садике, но потом подумала: вдруг они испугаются? Лучше не буду.

— Правильно. Очень правильно. — Марьяна обняла дочь, прижала к себе. — Ты умница. Но знай: то, что ты умеешь, — это очень-очень особенное. И иногда людям может быть страшно от того, что они не понимают. Поэтому показывай свои светящиеся рисунки только нам с папой. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула Анна. — А тёте Свет можно показывать?

— Тёте Свет — можно. Она поймёт.

— Она и так знает, — сказала Анна. — Она мне во сне говорила. Она сказала: «Ты — моя звёздочка. Ты будешь светить даже тогда, когда все остальные огни погаснут».

Игорь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Совсем не тот, что на кладбище, — этот холодок был смешан с благоговейным страхом. Анна говорила об Альме так, словно общалась с ней каждый день. Может быть, так оно и было — в снах, в рисунках, в том пространстве между мирами, куда взрослые не могут войти, а дети входят легко и просто, потому что ещё не разучились верить.

— Когда тётя Свет тебе это сказала? — спросил Игорь.

— Вчера ночью. Я проснулась, а она сидела у меня на кровати. Не по-настоящему — как будто из света. И сказала это. А ещё она сказала: «Передай папе, что холод близко. Очень близко. Пусть поторопится».

— Она так и сказала? «Пусть поторопится»?

— Да. А потом исчезла. И мне стало тепло. И я уснула.

Игорь выдохнул. Значит, Альма говорила не только с ним. Она приходила к Анне — и, возможно, не в первый раз. Он вспомнил рисунки дочери, которые видел раньше: золотистые фигуры, светящиеся линии, узлы, похожие на карты звёздного неба. Тогда он думал, что это просто детские фантазии. Теперь понимал: это были не фантазии. Это были послания.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Раз тётя Свет просит поторопиться — значит, надо поторопиться.

— Ты куда? — спросила Марьяна.

— Позвоню Марку. Скажу, что вылетаем завтра. Не послезавтра. Завтра.

— Но ты же хотел ещё день...

— У нас нет дня. — Он посмотрел на рисунок в руке Анны. Тот больше не светился, но всё ещё хранил тепло. — Если Тени уже здесь, если они ищут, — каждая минута на счету. Я не могу ждать.

Марьяна кивнула. Она не стала спорить — за все годы она научилась отличать моменты, когда нужно спорить, от моментов, когда нужно просто поддержать. Сейчас был второй случай.

— Я соберу тебе вещи, — сказала она. — Тёплые. В Сибири холодно.

— В Сибири всегда холодно, — улыбнулся Игорь.

— Вот именно. Поэтому надень свитер, который я тебе связала. И носки шерстяные. И шапку.

— Шапку?

— Шапку, — твёрдо повторила Марьяна. — У тебя уши мёрзнут, я знаю.

Игорь усмехнулся и пошёл в прихожую за телефоном. Анна увязалась за ним.

— Пап, — сказала она, дёргая его за рукав. — А ты возьмишь с собой моё солнце?

— Возьму. — Он наклонился и поцеловал её в макушку. — Обещаю.

— И тёте Свет передай, что я нарисовала ей звезду. Только она ещё не готова. Когда будешь уезжать, я дам тебе её с собой.

— Обязательно передам.

Он вышел на веранду и набрал номер Марка. На этот раз тот ответил сразу:

— Что-то срочное?

— Вылет завтра. Я только что говорил с Анной. Точнее, она говорила с Альмой. Во сне. Альма сказала, что холод близко и нужно торопиться.

— Анна говорила с Альмой? — В голосе Марка послышалось нечто среднее между удивлением и тревогой. — Пятилетняя девочка?

— Да. И не только говорила. Она рисует, Марк. Она рисует солнце, и оно светится. По-настоящему светится. Я проверял — искра реагирует. Это Плетение. Природное. Не имплантированное.

В трубке повисла пауза. Потом Марк произнёс — медленно, тщательно выговаривая каждое слово:

— Пророчество, — сказал он. — То, что нашла Лариса. «Придёт Проводник, рождённый не в пробирке, но в любви». Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — сказал Игорь. — И мне это очень не нравится.

— Мне тоже. Но сейчас главное — Сибирь. Если Альма говорит, что нужно торопиться, — мы поторопимся. Я переброшу вылет на завтра. Вертолёт будет готов к восьми утра. Успеешь?

— Успею. Я буду.

— Тогда до завтра. И... Игорь.

— Да?

— Береги дочь. Она, кажется, важнее, чем мы думали.

Игорь отключился и долго стоял на веранде, глядя на тёмное ноябрьское небо. Звёзд не было — облака затянули всё, — но где-то там, за облаками, продолжалась битва, о которой человечество даже не подозревало. Битва между светом и Тенями. И теперь в этой битве появился новый фактор — пятилетняя девочка с карандашом и верой в то, что солнце может светиться.

Он вернулся в дом. Марьяна уже собирала его рюкзак. Анна сидела за столом и рисовала — на этот раз не солнце, а что-то сложное, переплетающееся, похожее на золотую сеть, брошенную на мир.

— Что это? — спросил он, заглядывая через её плечо.

— Защита, — ответила Анна, не отрываясь от рисунка. — Чтобы ты вернулся.

Игорь ничего не сказал. Он просто обнял дочь и стоял так, пока та не завопилась, требуя отпустить её, потому что «пап, ты мешаешь, у меня важное дело».

Вечер тянулся медленно и тихо. Они поужинали грибным супом — Игорь съел две тарелки, хотя не чувствовал вкуса, — а потом уложили Анну спать. Она заснула быстро, прижимая к груди плюшевого зайца, и на её губах блуждала лёгкая улыбка — словно она уже видела сны о тёте Свет и золотых мирах.

Игорь и Марьяна сидели на кухне до глубокой ночи. Говорили мало. В основном молчали, держась за руки. Слова были не нужны — они оба знали, что ждёт впереди. Знали и боялись. Но боялись по-разному: Игорь — за них, Марьяна — за него.

— Ты вернёшься, — сказала она, когда часы пробили полночь. — Я знаю. Ты всегда возвращаешься.

— Всегда, — подтвердил он.

И это была единственная ложь, которую он позволил себе в ту ночь. Потому что он не знал, вернётся ли. Не знал, что ждёт его в сибирской тайге. Не знал, сможет ли восстановить Альму. Не знал, остановит ли это Теней.

Но он знал одно: завтра он сядет в вертолёт и отправится на край света, чтобы защитить тех, кого любит. И если для этого придётся снова стать Проводником — он станет. Чего бы это ни стоило.

Он вышел на веранду в последний раз перед сном. Ветер стих. Облака немного разошлись, и в просвете мелькнула одинокая звезда — яркая, золотистая, пульсирующая в такт искре в его запястье.

— Я иду, — прошептал он. — Слышишь? Я иду.

Звезда мигнула в ответ — и скрылась за облаками.

Глава 2. Новые люди

Штаб Департамента мониторинга аномальных явлений располагался в здании, которое раньше принадлежало одному из бесчисленных НИИ Министерства обороны. Таких зданий в Москве были десятки — серые коробки из стекла и бетона, построенные в середине семиде-

сятых и с тех пор знавшие лучшие времена. Снаружи оно ничем не отличалось от соседних офисных центров: облупившаяся краска на фасаде, мутные окна, чахлые кусты у входа, которые дворник регулярно забывал подстригать. Но внутри всё было иначе.

Игорь миновал проходную — охранник, немолодой мужчина с усами, кивнул ему как знакомому, — и оказался в длинном коридоре, освещённом лампами дневного света. Лампы эти противно жужжали, и звук этот накладывался на общий гул здания: где-то работали серверы, где-то переговаривались люди, где-то хлопали двери. Пахло озоном — так всегда пахло в помещениях, где было много аппаратуры, работающей на грани известной физики.

После реорганизации здесь разместился командный центр ДМАЯ. Марк Решетов лично руководил переоборудованием, и за три месяца здание изнутри изменилось до неузнаваемости. Исчезли старые кабинеты с фанерными перегородками — вместо них появились просторные залы с мониторами, на которых в реальном времени отображались данные со спутников, сейсмографов, датчиков Плетения. На стенах висели карты — не географические, а какие-то другие, с нанесёнными на них цветными линиями и точками, которые постоянно двигались.

Главный зал — тот, что раньше был конференц-залом, — теперь напоминал центр управления полётами. Огромный экран во всю стену показывал карту мира, на которой пульсировали красные и жёлтые точки. Перед экраном стояли ряды столов с компьютерами, за которыми сидели люди в штатском и в форме. Никто не курил, никто не смеялся. Все работали — тихо, сосредоточенно, с тем особым выражением лиц, какое бывает у людей, знающих то, чего не знают остальные.

Марк ждал его у входа в зал. Он выглядел уставшим — мешки под глазами, серая щетина на щеках, — но держался прямо, как всегда. Рядом с ним стояли двое.

— Проходи, — сказал Марк вместо приветствия. — Знакомься с командой.

Первым он представил мужчину лет тридцати пяти — коренастого, с бычьей шеей, сломанным носом и шрамом на подбородке. Глаза у него были маленькие, цепкие, как у человека, который привык замечать детали. Одет он был в форму без знаков различия — серый камуфляж, высокие ботинки, — и держался так, словно в любой момент ожидал нападения. На поясе у него висела кобура.

— Майор Денис Громов, командир отряда быстрого реагирования. Громов — это Игорь Пиров, бывший Проводник.

— Наслышан, — сказал Громов. Голос у него был под стать внешности — низкий, с хрипотцой, как у человека, который много курит или много орёт на плацу. — Это правда, что вы в одиночку удерживали Теней в лаборатории «Нейрона»?

— Мне помогали, — сухо ответил Игорь. Он не любил говорить о том, что случилось. Это было слишком личное — и слишком страшное, чтобы обсуждать с незнакомыми людьми.

Громов хмыкнул и ничего не сказал, но по его взгляду Игорь понял: этот человек привык оценивать других и пока не решил, что с ним делать. Это было нормально. Игорь и сам пока не решил.

Второй была женщина. Высокая, сухоощавая, с коротко стриженными тёмными волосами, в которых уже пробивалась первая седина. Одета она была не в форму, а в строгий тёмно-синий костюм — явно дорогой, но сидящий на ней так, словно она не придавала одежде никакого значения. В руках она держала блокнот — старый, потрёпанный, с закладками из разноцветных стикеров.

— Доктор Вера Князева, — представил её Марк. — Ксенолог, ведущий научный сотрудник Департамента. Приглашена для изучения Плетения.

— Пиров, — сказала она, не протягивая руки. Голос у неё был сухой, деловитый, без тени эмоций. — Я читала ваше досье. Точнее, ту его часть, которую мне позволили прочитать. Вы — единственный задокументированный случай успешного контакта человека с инопланетной технологией без летального исхода. Это впечатляет.

— Спасибо, — сказал Игорь, хотя это не было похоже на комплимент. Скорее на констатацию факта. Как если бы она сказала: «У этого стола четыре ножки. Это впечатляет».

— Я хотела бы провести серию тестов, — продолжила Вера. — Анализ остаточной энергии, замеры психофизиологических параметров, возможно, МРТ. Вы позволите?

— Не сейчас, — вмешался Марк. — Сначала — экспедиция. Тесты — потом.

Вера поджала губы — ей явно не понравился ответ, — но спорить не стала. Игорь заметил, как её пальцы сжали блокнот чуть сильнее. Она привыкла получать то, что хочет, и отказ воспринимала как личное оскорбление. С такими людьми трудно работать. Но, с другой стороны, именно такие люди обычно добиваются результатов.

— Ларису ты знаешь, — сказал Марк, кивая на женщину, которая только что вошла в зал с папкой в руках.

Лариса Волкова была тихой и незаметной — из тех людей, которые могут простоять в комнате полчаса, и никто не заметит. Невысокая, с русыми волосами, собранными в аккуратное каре, в очках в тонкой оправе. Одевалась она скромно — серая юбка, белая блузка, — и двигалась бесшумно, как мышь. Но Игорь знал: за этой невзрачной внешностью скрывался цепкий ум и энциклопедические знания. Лариса была архивариусом — она расшифровывала древние тексты Эйло'Ра, и без неё Марк был бы слеп.

— Игорь, — поздоровалась она тихо. — Я слышала о кладбище. Мне жаль, что так вышло.

— Спасибо. — Игорь кивнул. — У тебя есть что-то новое?

— Есть. — Лариса прижала папку к груди. — Я закончила расшифровку фрагмента, о котором говорила на прошлой неделе. Того самого. Это важно.

— Покажешь позже, — сказал Марк. — Сначала — общий брифинг.

Он провёл их в главный зал, к огромному экрану. На нём пульсировали красные точки — десятки, если не сотни. Карта мира выглядела так, словно кто-то рассыпал по ней горсть рубинов.

— За последние две недели датчики зафиксировали двадцать три аномальных возмущения, — начал Марк, указывая на экран. — Большинство — слабые, кратковременные, не представляющие угрозы. Но частота растёт. Месяц назад их было восемь. Два месяца назад — три. Вы видите тенденцию.

— Это Тени? — спросил Громов.

— Да. По крайней мере, их эманации. Сами Тени пока не прорываются — они прощупывают реальность, ищут слабые места. Как вода, которая просачивается сквозь трещины в дамбе.

— И где главная трещина?

Марк увеличил масштаб. Карта сместилась на восток, к Сибири. В районе Подкаменной Тунгуски пульсировала большая красная точка — ярче остальных, окружённая кольцом помех.

— Здесь. Точка падения зонда Эйло'Ра. Место, где сорок лет назад начался проект «Нейрон». Плетение здесь наиболее концентрированно. Теперь это место — своего рода шрам на теле реальности. И Тени пытаются его расширить.

Игорь смотрел на карту и чувствовал, как искра в запястье отзывается на каждую пульсацию красной точки. Боль была слабой, но постоянной — как комариный укус, который нельзя почесать.

— Что говорят спутники? — спросил он

Лариса вывела на экран спутниковые снимки. Они были странными — словно на изображение наложили прозрачную плёнку, искажающую цвета.

— Температура в эпицентре аномалии на четыре градуса ниже нормы, — сказала она. — Это не сезонное похолодание. Это что-то высасывает тепло. И не только тепло. Энергетический

фон падает. Плетение истончается. Если так продолжится, через несколько недель в этом месте образуется брешь.

— И что тогда? — спросил Громов.

— Тогда Тени прорвутся. — Вера впервые заговорила, и её голос прозвучал резко, как удар хлыста. — Согласно расчётам, если брешь достигнет критического размера, волна поглощения распространится со скоростью примерно сто километров в час. За сутки она накроет всю Сибирь. За неделю — Евразию. За месяц — планету.

— Поглощения? — переспросил Громов. — Что именно поглощается?

— Реальность, — ответила Вера. — Тени не убивают в привычном смысле. Они аннигилируют само существование. Всё, что попадает в зону их влияния, перестаёт быть. Не умирает — перестаёт существовать. Исчезает из причинно-следственных связей. Как будто никогда и не было.

В комнате повисла тишина. Даже жужжание ламп, казалось, стало тише. Громов смотрел на экран, и на его лице — впервые за всё время — мелькнуло что-то похожее на страх.

— И как с этим бороться? — спросил он.

— Обычное оружие бесполезно, — сказал Марк. — Пули, ракеты, бомбы — всё это часть физического мира. А Тени — нет. Они — эманации Энтропии. Единственный способ противостоять им — это Плетение.

— Но Плетения у нас нет, — заметил Громов. — Разве что у Пирова.

— У Пирова — остаток, — уточнила Вера. — Малая искра. Её недостаточно для полноценного противодействия. Поэтому мы и летим в Сибирь. Чтобы восстановить Альму — единственное существо, способное удержать брешь.

— Альму? — Громов нахмурился. — Это инопланетянка?

— Да. Представительница расы Эйло'Ра. Она пожертвовала физической формой во время ритуала слияния и теперь существует как рассеянное сознание в Плетении Земли. Ритуал восстановления, который мы планируем провести в точке силы, должен вернуть ей способность действовать на физическом плане.

— И в чём моя роль? Моих людей?

— Защита. — Марк посмотрел Громову прямо в глаза. — Ритуал привлечёт Теней. Они почувствуют концентрацию Плетения и атакуют. Ваша задача — продержаться. Дать Пирову и Альме время завершить начатое.

— Сколько времени?

— Не знаю. Может быть, час. Может быть, сутки. Может быть, мы вообще не успеем. — Марк развёл руками. — Мы входим на неизведанную территорию. Всё, что у нас есть, — это данные, которые Лариса расшифровала из текстов Эйло'Ра, и предположения Веры. Никто никогда не делал того, что мы собираемся сделать.

— Отлично, — мрачно усмехнулся Громов. — Обожаю работать с предположениями.

— Привыкайте, майор. Это наша работа.

Совещание продолжалось ещё час. Обсуждали детали экспедиции: маршрут, снаряжение, состав группы. Вера настаивала на том, чтобы взять с собой мобильную лабораторию — она хотела фиксировать всё, что произойдёт во время ритуала. Громов требовал усилить группу — его людей было недостаточно, чтобы удержать периметр в случае серьёзной атаки. Марк соглашался с обоими и тут же урезал запросы, балансируя между необходимостью и возможностями. Бюрократия, даже в тени войны с инопланетной угрозой, никуда не делась.

Игорь почти не участвовал в обсуждении. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел на карту. Красные точки пульсировали, как больные зубы. Где-то там, за тысячи километров, в мёрзлой сибирской земле, пробуждалось то, что могло уничтожить всё, что он любил. И остановить это мог только он. Бывший таксист с амнезией. Бывший Проводник, потерявший силу. Муж и отец, который больше всего на свете хотел просто быть мужем и отцом.

— Пиров, ты с нами? — Голос Марка вывел его из задумчивости.

— Да. Извините. Задумался.

— Я спросил: ты уверен, что искра выдержит ритуал? Ты выглядишь уставшим.

— Я в порядке. — Игорь отлепился от стены. — Искра жива. Этого достаточно.

— Достаточно для чего? — резко спросила Вера. — Вы даже не знаете своих текущих параметров. Вы не проходили тестирование. Мы летим в эпицентр аномалии с человеком, чьи способности не задокументированы и не измерены. Это не наука, это...

— Это жизнь, — перебил её Игорь. — Иногда в жизни нет времени на тесты.

Вера замолчала. Её глаза сузились — она явно не привыкла, чтобы ей перечили. Но возразить ей было нечего, и она это знала.

— Ладно, — сказал Марк, подводя итог. — Вылет завтра в восемь утра. Громов, готовьте людей. Вера, сворачивайте лабораторию. Лариса, мне нужны все расшифровки по Теням — всё, что есть. Пиров... — он посмотрел на Игоря, — ...тебе нужно отдохнуть. Завтра тяжёлый день.

— Я в порядке, — повторил Игорь.

— Ты уже говорил. Но я вижу твои глаза. Иди домой. Побудь с семьёй. Завтра в семь утра жду тебя здесь.

Игорь хотел возразить, но передумал. Марк был прав. Последняя ночь перед вылетом. Может быть, последняя ночь вообще. Он должен провести её с Марьяной и Анной.

Когда он уже собрался уходить, Лариса догнала его в коридоре.

— Игорь, подождите!

Она подошла, запыхавшись — видимо, бежала, — и протянула ему лист бумаги.

— Я хотела показать вам это. То, о чём говорила. Расшифровка древнего текста Эйло'Ра. Я закончила её сегодня ночью.

Игорь взял лист и пробежал глазами по строкам. Текст был на русском, но сохранял странную ритмику оригинала:

И придёт Проводник, рождённый не в пробирке, но в любви,

И искра его будет не внедрена, но рождена.

Исцелит он пустоту не силой, но светом,

И Тени отступят перед ним, ибо он увидит их боль.

Он перечитал эти строки трижды. Каждое слово отдавалось в голове колоколом.

— Что это значит? — спросил он, хотя уже догадывался.

— Пророчество, — сказала Лариса. — Очень старое. Ему миллионы лет. Эйло'Ра записали его задолго до того, как узнали о Земле. Они верили, что однажды придёт тот, кто сможет исцелить Теней.

— «Рождённый не в пробирке, но в любви», — процитировал Игорь. — Я был рождён в пробирке. Проект «Нейрон», мутация GRF-7Q. Я — искусственный Проводник. Значит, это не обо мне.

— Нет. Не о вас.

Игорь поднял глаза на Ларису. Она смотрела на него с выражением, которое он не сразу смог расшифровать. Сочувствие? Страх? Благоговение?

— Анна, — тихо сказал он. — Это об Анне.

— Да. — Лариса кивнула. — Ваша дочь — природный Проводник. Её дар не внедряли. Он родился вместе с ней. Я не знаю, как это возможно — возможно, это как-то связано с тем, что вы и Марьяна пережили во время ритуала слияния. Плетение, проходившее через вас, могло... затронуть её. Оставить отпечаток. Но факт остаётся фактом: Анна — та, о ком говорится в пророчестве.

— Она — ребёнок. Ей пять лет.

— Я знаю. — Лариса сняла очки и протёрла их краем блузки. — Поэтому я и хотела показать это вам лично. Не Марку. Не Вере. Вам. Потому что вы — отец. И вы должны решить, что с этим делать.

Игорь смял лист в кулаке. Искра в запястье вспыхнула и погасла.

— Почему вы не показали это Марку? — спросил он.

— Потому что Марк — хороший человек, но он — командир. Он думает в терминах «угроза» и «ресурс». Если он узнает, что Анна — ключ к победе над Тенями, он попытается использовать её. Не со зла. Из чувства долга. Он будет считать, что цель оправдывает средства.

— А вы так не считаете?

— Я считаю, что выбор должен быть за вами. — Лариса надела очки и посмотрела ему прямо в глаза. — Я — дочь человека, который ставил эксперименты над детьми. Мой отец — профессор Волков, один из ведущих учёных «Нейрона». Вы знали это?

Игорь кивнул. Он знал. Марк рассказывал ему о Ларисе, когда вводил в курс дела. Дочь того самого Волкова, который вместе с Верховным Хранителем курировал эксперименты. Она пошла работать в Департамент, чтобы искупить его грехи.

— Я живу с этим клеймом всю жизнь, — сказала Лариса. — Каждый день я просыпаюсь и думаю: что, если бы кто-то тогда сказал «нет»? Что, если бы кто-то остановил моего отца? Может быть, те дети — вы, Олег Кравцов, все остальные — не прошли бы через этот ад. Поэтому я говорю вам сейчас: не позволяйте никому использовать вашу дочь. Даже Марку. Даже Альме. Даже если это будет стоить нам победы.

Игорь долго молчал. Потом разжал кулак и расправил смятый лист.

— Спасибо, — сказал он. — За честность.

— Это единственное, что у меня есть, — ответила Лариса и ушла, оставив его одного в пустом коридоре.

Игорь стоял и смотрел на лист с пророчеством. Строчки расплывались перед глазами, но он и так помнил их наизусть. «Исцелит он пустоту не силой, но светом». Его дочь. Его маленькая девочка, которая рисует солнце и боится темноты. Которая ещё не знает, что за ней охотятся древние сущности, способные стереть реальность одним своим присутствием.

Он аккуратно сложил лист и убрал в карман — туда же, где уже лежал рисунок Анны. Два листа бумаги. На одном — пророчество, на другом — солнце с лучами-палочками. И неизвестно ещё, что из них важнее.

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые, уверенные — так ходят только военные. Игорь обернулся и увидел Громова.

— Пиров, — сказал тот, останавливаясь. — Можно вас на минуту?

— Слушаю.

Громов помолчал, словно подбирая слова. Потом заговорил — тихо, без обычной своей резкости:

— То, что вы сделали в лаборатории. С Кромтом, с Хранителем. Это правда требует... особой смелости?

— Не знаю. — Игорь пожал плечами. — Я просто делал то, что должен был.

— Это я и хотел услышать. — Громов кивнул. — Потому что завтра нам всем придётся делать то, что мы должны. И я хочу, чтобы вы знали: мои люди выполняют приказ. Все до единого. Даже если это будет стоить им жизни.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что я читал ваше досье. — Громов чуть усмехнулся — впервые за всё время на его лице мелькнуло что-то похожее на эмоцию. — Вы не военный. Вы — гражданский, который оказался в нужном месте в нужное время. И я хочу, чтобы вы понимали: то, что будет завтра, — это не кино. Люди будут умирать. Настоящие люди, с семьями, с детьми, с ипотеками. И

если вы колеблетесь — лучше скажите сейчас. Потому что там, — он кивнул куда-то в сторону карты, — колебания убивают.

— Я не колеблюсь.

— Хорошо. — Громов протянул руку. — Тогда до завтра, Пиров. Берегите себя.

Игорь пожал ему руку. Ладонь у Громова была сухой, крепкой, с въевшейся в кожу оружейной смазкой. Рука человека, который привык держать оружие и не привык доверять словам.

— До завтра, — сказал Игорь.

Громов кивнул и ушёл, оставив после себя лёгкий запах табака и металла.

Игорь шёл к выходу из здания, когда его снова перехватили. На этот раз это была Вера. Она стояла у дверей лаборатории — судя по всему, ждала именно его.

— Пиров, — сказала она. — Уделите мне пять минут.

— Я тороплюсь домой.

— Я понимаю. Но это важно. — Она открыла дверь в лабораторию и жестом пригласила его войти. — Я не задержу вас надолго.

Лаборатория была небольшой — метров двадцать, не больше, — но заставленной оборудованием под завязку. Мониторы, датчики, какие-то приборы, назначения которых Игорь не знал. В углу стояла камера, похожая на гроб, — МРТ, наверное, или что-то подобное. На стенах висели графики и диаграммы, испещрённые пометками.

— Зачем я вам? — спросил Игорь.

— Хочу показать кое-что. — Вера подошла к одному из мониторов и включила его. На экране появилась карта — та же, что и в главном зале, но с дополнительными данными. — Видите эти линии? Это энергетические потоки Плетения. Мы засекли их со спутников. Они сходятся в нескольких точках по всему миру. Сибирь — самая сильная. Но есть ещё Урал. И есть Москва.

— Москва?

— Да. — Вера ткнула пальцем в экран. — Прямо под нами. Энергетический фон в Люблинском районе улица Ставропольская на пятнадцать процентов выше нормы. Вы знаете, что там произошло?

Игорь знал. Ставропольская улица, у которой он подобрал Альму. Там всё началось. И, видимо, там всё ещё продолжалось.

— Это место первого контакта, — сказал он. — Там Альма вошла в мою машину.

— Я так и думала. — Вера кивнула. — У меня есть теория. Я не говорила о ней Марку, потому что она не подтверждена. Но вам я скажу: Тени ищут не просто Плетение. Они ищут точки контакта. Места, где реальность уже была нарушена. Шрамы на теле мира, в которые можно вцепиться и расширить.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что вы — один из таких шрамов. — Вера посмотрела на него в упор. — Ваша искра — это след, оставленный Плетением. Пока она жива, Тени будут чувствовать вас. Вы — маяк, Пиров. И ваша дочь — тоже.

Игорь сжал кулаки.

— Откуда вы знаете о моей дочери?

— Из вашего досье. Там указан состав семьи. А об остальном я догадалась. — Вера прищурилась. — Не волнуйтесь, я не собираюсь никому докладывать. Марк, конечно, узнает — он всегда всё узнаёт. Но я не собираюсь использовать эту информацию. По крайней мере, пока.

— Почему?

— Потому что я учёный, а не солдат. — Она выключила монитор и повернулась к Игорю. — Моя цель — понять Плетение. Понять Теней. Понять, как работает эта... реальность. И если для этого нужно защитить вашу дочь, а не использовать её — я буду защищать.

— А если наука потребует другого?

Вера помолчала. На её лице мелькнула тень — та самая, которую Игорь иногда замечал у людей, переживших что-то, о чём они не любят говорить.

— Мой научный руководитель, — сказала она наконец, — покончил с собой, когда вскрылась правда о «Нейроне». Он участвовал в экспериментах. Не как главный фигурант, но участвовал. И когда его вызвали на допрос, он не выдержал. Я нашла его в лаборатории. Он оставил записку — одну строчку: «Знание без души — это преступление».

— Вы согласны с ним?

— Я пытаюсь понять. Всю жизнь пытаюсь. — Вера отвернулась. — Идите домой, Пиров. Увидимся завтра.

Игорь вышел из лаборатории и направился к выходу. По пути он думал о том, что только что услышал. Вера была странной — холодной, резкой, неприятной в общении. Но в ней было что-то ещё. Что-то, что она прятала за своим рационализмом и сухими формулами. Может быть, боль. А может — совесть.

«Знание без души — это преступление». Он не знал, был ли согласен с этой фразой. Но он знал, что завтра ему предстояло применить знание — то самое, которое он получил ценой боли, страха и потерь. И если это поможет спасти его дочь, он готов был заплатить любую цену.

У выхода из здания его ждал «Солярис». Игорь сел за руль и несколько секунд просто сидел, глядя на серое небо. Пошёл снег — первый в этом году, мелкий, колючий, больше похожий на крупу. Он падал на лобовое стекло и таял, оставляя мокрые дорожки.

Завтра в это время он будет уже в Сибири. В холоде, в тайге, в месте, где реальность истончается, а Тени ищут путь в этот мир. Он посмотрел на свои руки — обычные руки, с въевшейся грязью под ногтями, с тонким белым шрамом на костяшке. Руки, которые когда-то держали монтировку Артемия. Руки, которые сжимали Плетение. Руки, которые спасли мир. И теперь эти руки должны были сделать это снова.

— Ну что, старик, — сказал он сам себе, заводя мотор. — Поехали.

«Солярис» заурчал и выехал со стоянки, вливаясь в поток вечерних машин. Москва жила своей жизнью — люди спешили домой, стояли в пробках, слушали радио, ругались на погоду. Они не знали, что где-то в Сибири пробуждается древнее зло. Не знали, что завтра их судьба будет решаться в точке падения инопланетного зонда. Не знали и, наверное, не хотели знать.

Игорь вёл машину и думал о том, что странно всё-таки устроен мир. Ты можешь спасти планету — а потом стоять в пробке на МКАДе и думать, не забыл ли купить молока. Великое и обыденное идут рука об руку. И в этом, наверное, и есть главный секрет человечества.

Дома его ждали Марьяна, Анна и последняя спокойная ночь перед бурей.

Глава 3. Пациент

За полгода до того, как Игорь Пиров стоял на могиле Артемия и чувствовал приближение Теней, его жена встретила человека, который изменит всё. Человека, который носил в себе тьму, способную соперничать с той, что пробуждалась на краю галактики. Это случилось в мае, когда Москва задыхалась от цветущих тополей, а в стенах бывшего профилактория завода «Серп и Молот» раздавались крики, которые не могли заглушить никакие стены.

Центр помощи выжившим участникам проекта «Нейрон» официально назывался «Реабилитационным учреждением № 17», но никто из сотрудников не использовал это название. «Семнадцатый» — говорили они, или просто «Центр». И каждый раз, произнося это слово, понижали голос. Не потому, что боялись прослушки — хотя и её не исключали, — а потому что сама работа здесь требовала тишины. Тишины, которая помогала пациентам не сходить с ума. Тишины, которая скрывала то, о чём нельзя было рассказывать посторонним.

Здание Центра было построено в конце шестидесятых, и с тех пор его ни разу не ремонтировали по-настоящему. Штукатурка на фасаде пошла трещинами, которые кто-то когда-то пытался замазать, но только сделал хуже — теперь они напоминали шрамы, затянутые грубой рубцовой тканью. Окна первого этажа были забраны решётками, и это придавало учреждению сходство с тюрьмой, хотя его обитатели не были преступниками. Они были жертвами. Администрация давно собиралась убрать решётки, но руки не доходили, да и, честно говоря, они тут были не лишними. Некоторые пациенты в моменты кризиса пытались выбраться наружу, и решётки спасали их от самих себя. Так говорил главврач, и ему верили. Верили, потому что видели этих людей. Видели их глаза.

Внутри пахло хлоркой и ещё чем-то, чему Марьяна за три месяца работы так и не смогла подобрать названия. Этот запах напоминал о старой больнице, в которую она однажды попала ещё ребёнком — вырезали железы, — и с тех пор он ассоциировался у неё с беспомощностью и страхом. Но здесь, в Центре, она научилась его не замечать. Как научилась не замечать облупленную краску на стенах, мигающие лампы дневного света, скрипучие линолеумные полы. Всё это было неважно. Важны были только они — семеро мужчин и женщин, которые прошли через ад и теперь пытались выбраться обратно.

В то утро Марьяна пришла на смену раньше обычного. Игорь уехал затемно — Марк Решетов вызвал его в штаб Департамента на какое-то срочное совещание, и она знала, что раньше вечера мужа не увидит. Анну пришлось оставить с соседкой, Клавдией Петровной, которая жила этажом ниже и обожала девочку. Марьяна не любила просить о помощи, но сегодня был особый случай. Накануне вечером позвонил Гришин — старший санитар, — и предупредил, что ожидается поступление нового пациента. «Тяжёлый, Марьяна Андреевна. Очень тяжёлый. Из Новосибирска переводят, наши коллеги не справляются. Готовьтесь». И она готовилась. С самого утра просматривала протоколы экстренной помощи, проверяла оборудование в изоляторе, перечитывала методички по работе с нестабильными формами Плетения, которые составила доктор Князева — новый ксенолог Департамента, которую Марьяна ещё не видела, но о которой уже много слышала. Говорили, что она холодна как скальпель и умна как дьявол. Говорили также, что ей лучше не перечить. Марьяна не собиралась перечить. Она вообще редко кому перечила — не из робости, а из убеждения, что словами можно сделать больше, чем криком. Отец когда-то сказал ей: «Тихие люди — самые опасные. Потому что их никто не ждёт». Она запомнила это на всю жизнь.

Ординаторская была пуста, если не считать старого электрического чайника, который вечно кипел на подоконнике, и фикуса в углу — чахлого, но упрямого, отказывающегося умирать, несмотря на полное отсутствие солнечного света. Марьяна села за стол, разложила бумаги и попыталась сосредоточиться. Получалось плохо. Мысли всё время возвращались к дому, к Анне, к Игорю. К тому, что случилось и что до сих пор снилось ей по ночам. Лаборатория. Кромт. Хранитель. Игорь, стоящий между ними, как мост. Она тогда держала его за руку — просто держала, потому что больше ничего не могла сделать. И, наверное, это и спасло его. Связь. Якорь. Любовь, которая оказалась сильнее, чем всё Плетение вместе взятое.

— Марьяна Андреевна! — Дверь распахнулась, и на пороге возник Гришин. Он был без халата, в одной рубашке с закатанными рукавами, и по его лицу градом катился пот, хотя утро было прохладным. — Привезли. Только что. Он там, в приёмном покое. Я велел пока не трогать, но вы бы поторопились. Похоже, опять начинается.

— Что начинается?

— Приступ. Вы же читали карту — у него проекция кошмаров. В Новосибирске во время последнего приступа санитар получил ожоги. Настоящие ожоги, Марьяна Андреевна, от иллюзии. Вы понимаете, что это значит?

Марьяна понимала. Плетение, выходящее из-под контроля, способно размывать границу между воображаемым и реальным. Игорь рассказывал ей об этом — о том, как в заброшенном

заводе он сам едва не разрушил всё вокруг, когда его захлестнула ярость. Если новый пациент обладал похожей силой, но не умел ею управлять, он был опасен. Не по своей вине, но опасен.

— Идёмте, — сказала она, вставая. — Что с ним делали в Новосибирске?

— Пытались колоть транквилизаторы. Не помогает. Плетение блокирует действие препаратов — во всяком случае, так говорит доктор Князева. Я с ней связывался, она обещала прислать свои рекомендации. Но пока...

— Пока мы сами.

Они вышли в коридор. Приёмный покой находился в противоположном конце здания, и путь туда занимал не меньше трёх минут, даже если идти быстро. Марьяна использовала это время, чтобы собраться с мыслями. Она не была врачом — только медсестрой, да и то без специальной подготовки по работе с аномалиями. Но у неё было то, чего не было у других: опыт. Опыт жизни с человеком, который носил в себе Плетение. Опыт любви к человеку, который однажды едва не погиб, потому что сила вышла из-под контроля. Она знала, что Плетение — это не просто энергия. Это продолжение души. И если душа болит, Плетение реагирует соответственно.

Приёмный покой встретил их гулом голосов. Два санитары — крепкие мужчины, которых Марьяна видела впервые, — пытались удержать человека на каталке. Человек кричал. Не словами — криком, который был хуже слов, потому что в нём не было смысла. Только боль. Бесконечная, нечеловеческая боль.

Марьяна увидела его впервые. Худой, измождённый, с бледным лицом, на котором выделялись только тёмные круги под глазами. Волосы свалились в колтуны. Одежда — больничная пижама, мокрая от пота. Он был привязан к каталке широкими ремнями, но это не помогало. Его тело билось в конвульсиях, и с каждым движением воздух вокруг него стучался, темнел, наполнялся образами, которые не должны были существовать.

Марьяна увидела белую комнату. Увидела стол. Увидела иглы. Увидела людей в масках, склонившихся над ребёнком. Это было воспоминание — не её, чужое, — но оно было таким ярким, таким реальным, что она на мгновение забыла, где находится. Запахло спиртом. Где-то загудел аппарат. Ребёнок на столе закричал, и крик этот был таким же, как крик человека на каталке. Тем же самым. Просто на тридцать лет старше.

— Марьяна Андреевна, вы в порядке? — Голос Гришина пробился сквозь пелену, и она мотнула головой, прогоняя наваждение.

— Да. — Она заставила себя дышать ровно. — Это он проецирует. Воспоминания. Свои.

— Вы их видите?

— Да. И вы, наверное, тоже.

Гришин кивнул. Его лицо было белым как мел.

— Что будем делать?

— Попробую поговорить. — Марьяна шагнула к каталке. Санитары расступились, явно обрадованные тем, что кто-то взял на себя ответственность. Пациент на каталке перестал кричать. Он замер, тяжело дыша, и повернул голову. Его глаза встретились с глазами Марьяны.

Они были серыми. Почти бесцветными. И в них плескался такой ужас, что Марьяна физически ощутила его — как удар под дых.

— Олег, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Олег Кравцов. Вы меня слышите?

Он не ответил. Но образы вокруг него — белая комната, иглы, люди в масках — начали бледнеть. Как будто её присутствие создало какую-то преграду между ним и его воспоминаниями. Или как будто он сам захотел, чтобы они исчезли.

— Вы в Москве, — продолжала Марьяна. — В Центре помощи. Здесь вас никто не обидит. Здесь вам попытаются помочь. Вы понимаете?

— Помочь... — его голос был хриплым, срывающимся. — Мне никто не может помочь. Они внутри. Они всегда внутри. Я ношу их в себе. Я ношу в себе всё это... всю эту боль... всех этих детей...

— Каких детей?

— Нас. Тех, кто умер. Тех, кто остался. Их боль. Их страх. Я чувствую их всех. Они не уходят. Они никогда не уходят.

Марьяна почувствовала, как к горлу подступает ком. Она знала о «Нейроне» достаточно, чтобы понимать: он говорит правду. Детей, над которыми ставили эксперименты, было двадцать три. Выжили семеро, включая Игоря. Остальные умерли — кто-то во время опытов, кто-то позже, не выдержав последствий. И если этот человек, Олег, каким-то образом носил в себе их боль, их память, их страх — тогда его Плетение было не просто нестабильным. Оно было отравлено. Мёртвыми. Теми, кто не смог выжить.

— Я понимаю, — тихо сказала она. — Правда, понимаю. Мой муж... он тоже был в «Нейроне». Он тоже прошёл через это. И он выжил. И он здесь, в Москве. И он может помочь вам. Но сначала вы должны успокоиться. Дайте себе передышку. Хотя бы на несколько минут.

— Муж? — Олег прищурился. В его глазах мелькнуло что-то новое — не страх, а интерес. Болезненный, цепкий, как у человека, который внезапно нашёл зацепку в реальности, готовой рассыпаться в любой момент. — Кто ваш муж?

— Его зовут Игорь. Игорь Пиров.

Имя упало в тишину, как камень в воду. Олег замер. Его лицо, искажённое болью, медленно разгладилось, но не от облегчения — от удивления. От узнавания.

— Пиров, — повторил он. — Игорь Пиров. Тот самый? Проводник?

— Да.

Олег закрыл глаза. Воздух вокруг него перестал дрожать. Образы исчезли — белая комната, иглы, люди в масках — всё растворилось, как дым. Санитары переглянулись. Гришин выдохнул с облегчением. Марьяна стояла, не шевелясь, ожидая, что будет дальше.

— Я знал его, — тихо сказал Олег. — Мы были вместе. В «Нейроне». Он был младше меня на пару лет. Его привезли позже. Он был... особенный. Его готовили. Его берегли. А нас — нет. Нас списывали, как брак. Как отработанный материал. — Он открыл глаза и посмотрел на Марьяну с выражением, которое она не сразу смогла расшифровать. Это была смесь ненависти и тоски. — Я помню его. Помню, как он сидел в углу и молчал. Всегда молчал. Даже когда его кололи. Даже когда жгли. Он просто молчал и смотрел в стену. А потом они стёрли ему память. И он забыл. Забыл всё. Забыл нас.

— Ему вернули память, — сказала Марьяна. — Он всё вспомнил.

— Вспомнил? — Олег горько усмехнулся. — И что? Ему от этого легче? Мне — нет. Я ничего не забыл. Я помню каждую секунду. Каждую иглу. Каждую вспышку. Каждое лицо. — Его голос задрожал. — Вы знаете, что они делали? Они заставляли нас смотреть. На других детей. На тех, у кого не получалось. На тех, кто умирал. Они говорили: «Смотри, это твоё будущее, если будешь сопротивляться». И мы смотрели. Мы все смотрели. И теперь я не могу перестать смотреть. Они всегда перед глазами.

Марьяна почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она сдержала их усилием воли. Сейчас было не время для эмоций. Сейчас было время для помощи.

— Олег, — сказала она, — я не могу обещать, что смогу избавить вас от этих воспоминаний. Но я могу обещать, что здесь, в этом Центре, вы не будете один. Мой муж — он прошёл через то же, что и вы. И он справился. Не сразу. Не легко. Но справился. И вы справитесь.

— Справлюсь? — Олег дёрнулся, и ремни, удерживавшие его, жалобно заскрипели. — Я не хочу справляться! Я хочу, чтобы это прекратилось! Я хочу, чтобы они исчезли! Все — и те, кто это делал, и те, кто это допустил! Я хочу, чтобы...

Он не договорил. Воздух вокруг него снова сгустился, и на этот раз Марьяна увидела не белую комнату. Она увидела огонь. Настоящий, пылающий, заполняющий всё вокруг. И в этом огне были люди — те самые люди в масках, — и они кричали, как когда-то кричали дети. Жар опалил лицо. Марьяна отшатнулась, закрываясь рукой. Гришин схватил её за плечо и оттащил назад.

— Уходим, Марьяна Андреевна! Сейчас рванёт!

— Нет! — Она вырвалась. — Подождите!

Олег смотрел на неё сквозь пламя — не настоящий огонь, а иллюзию, но такую яркую, что кожа начинала краснеть. Его лицо было искажено болью, яростью, отчаянием. И в этот момент Марьяна поняла: он не хочет причинить вред. Он просто не может иначе. Его боль слишком велика, чтобы сдерживать её внутри. Она вырывается наружу единственным доступным способом — через разрушение. Через Плетение.

— Олег, — сказала она, делая шаг вперёд, прямо в огонь. — Я не боюсь. Слышите? Я не боюсь вас. Потому что вы не чудовище. Вы — жертва. И я хочу помочь вам. Но вы должны позволить мне это сделать.

Пламя дрогнуло. На мгновение в глазах Олега мелькнуло сомнение — то самое, которое Марьяна ждала. То самое, которое означало, что он ещё не потерял.

— Мама! Не бойся!

Голос раздался сзади, от двери, и Марьяна вздрогнула. Она обернулась и увидела то, чего не должна была увидеть. Анна. Её пятилетняя дочь стояла в дверях приёмного покоя, держа за руку запыхавшуюся Клавдию Петровну. Девочка смотрела на огонь, на дрожащий воздух, на привязанного к каталке человека — и на её лице не было страха. Только любопытство. И что-то ещё. Что-то, похожее на узнавание.

— Аня! — Марьяна бросилась к дочери. — Что ты здесь делаешь? Тебе нельзя сюда!

— Я знаю, — спокойно ответила Анна. — Но он плакал. Я услышала. Я не могла не прийти.

— Как ты могла услышать? Мы на другом конце Москвы!

— Я не знаю. Просто услышала. — Анна высвободила руку из материнской хватки и сделала шаг вперёд, к каталке. — Это он, да? Тот дядя, которому больно?

— Аня, стой! — Марьяна попыталась схватить дочь, но Гришин удержал её.

— Марьяна Андреевна, — тихо сказал он, — посмотрите.

Она посмотрела. Огонь, только что бушевавший в воздухе, начал гаснуть. Не потому, что кто-то его потушил. А потому что Анна подошла к каталке и просто встала рядом. Она не делала ничего особенного — просто стояла и смотрела на Олега, как смотрят на человека, которому плохо. С сочувствием. С пониманием. С тем особым детским состраданием, которое ещё не знает границ между «можно» и «нельзя».

— Ты... — прошептал Олег. Его голос дрожал. — Ты кто?

— Я Аня, — сказала девочка. — Я пришла помочь. Ты не бойся. Это просто темнота. Она кажется страшной, но на самом деле она не страшная. Просто ей нужно, чтобы кто-то посветил.

— Посветил? — Олег смотрел на неё во все глаза. — Как?

— Вот так. — Анна достала из кармана огрызок жёлтого карандаша — она всегда носила с собой карандаши, на всякий случай, — и, не найдя бумаги, просто провела рукой по воздуху.

И тьма отступала. Неохотно, как зверь, которого лишают добычи, но отступала. Огонь погас. Образы растворились. Холод, стоявший в воздухе, сменился обычным майским теплом.

Олег смотрел на девочку, и его лицо менялось. Исчезала ярость. Исчезал страх. Оставалась только усталость — глубокая, всепоглощающая, как у человека, который много лет нёс на плечах непосильную ношу и вдруг понял, что может её опустить.

— Ты — его дочь, — сказал он. — Игоря. Да?

— Да, — кивнула Анна. — А ты его знаешь?

— Знал. Давно. — Олег закрыл глаза. — Очень давно.

Он обмяк на каталке, и через мгновение его дыхание стало ровным, спокойным. Он уснул. Впервые за много дней — спокойно, без кошмаров, без криков. Просто уснул.

Марьяна подхватила Анну на руки и прижала к себе. Сердце колотилось где-то в горле. Она не знала, что сейчас чувствует — страх, гордость, облегчение или всё сразу. Она знала только одно: её дочь только что сделала то, чего не смогли сделать ни врачи, ни санитары, ни она сама. Она зажгла свет там, где была только тьма.

— Унесите его в палату, — сказала она Гришину. — Пусть отдохнёт. Я буду у него через два часа.

— А... это? — Гришин кивнул на Анну, которая уже снова рисовала что-то на клочке бумаги, найденном в кармане. — Это как понимать?

— Никак, — отрезала Марьяна. — Вы ничего не видели. И я ничего не видела. Поняли? Гришин помолчал. Потом кивнул.

— Понял, Марьяна Андреевна. Ничего не видел.

Но по его глазам она поняла: он видел всё. И не забудет.

Олег проснулся через два с половиной часа.

Марьяна ждала его в палате — небольшой комнате с мягкими стенами, специально оборудованной для пациентов с нестабильным Плетением. Она сидела на стуле у окна, за которым моросил всё тот же серый майский дождь, и листала историю болезни. Анну пришлось отправить домой с Клавдией Петровной, предварительно взяв с соседки слово, что та никому не расскажет об увиденном. Соседка слово дала, но Марьяна знала, что такие вещи трудно удержать в себе. Рано или поздно слухи поползут. И тогда...

— Вы ещё здесь, — раздался голос с койки. Хриплый, но уже не такой надрывный, как раньше.

— Я обещала, что приду. — Марьяна закрыла папку. — Как вы себя чувствуете?

— Так, как будто меня переехал грузовик. — Олег сел, опираясь на подушку. Ремни с него сняли — после того, что случилось, в них не было нужды. — Но это лучше, чем было. Намного лучше.

— Это радует.

— Где она? — спросил он, глядя в сторону. — Девочка.

— Дома. Она устала и спит.

— Устала? — Олег усмехнулся. — После того, что она сделала, я бы устал на неделю вперёд. Она... она особенная, да? Как он. Как Игорь.

— Да. — Марьяна не видела смысла скрывать.

— Природный... — Олег покачал головой. — Я думал, таких не бывает. Нам говорили, что Плетение — это искусственная мутация. Что оно не может передаваться.

— Вам говорили много неправды.

— Да. — Он помолчал. — Я помню Игоря. Мы не были друзьями — там, в «Нейроне», друзей не было. Мы были... товарищами по несчастью. Он был молчаливым. Всегда молчал. Даже когда его резали. А меня прорывало. Я орал, плакал, умолял. А он молчал. Я думал, он сильнее меня. А теперь... теперь он Проводник. А я — вот это.

— Вы не «вот это», — твёрдо сказала Марьяна. — Вы — выживший. Вы прошли через то, что большинство людей не смогли бы даже представить. И вы всё ещё здесь. Это уже победа.

— Победа? — Олег горько усмехнулся. — Я не чувствую себя победителем. Я чувствую себя бомбой, которая может взорваться в любой момент. Вы видели, что я делаю. Я чуть не убил вас. Я чуть не убил вашу дочь.

— Но не убили.

— Потому что она остановила меня. Пятилетняя девочка. — Он закрыл лицо руками. — Боже. Пятилетняя девочка сделала то, что я не могу сделать уже тридцать лет. Просто взяла и зажгла свет. А я... я только разрушаю.

Марьяна подошла к койке и села рядом.

— Олег, — сказала она, — вы не виноваты в том, что с вами сделали. И вы не виноваты в том, что ваше Плетение выходит из-под контроля. Это не ваша вина. Это вина тех, кто ставил над вами эксперименты. Тех, кто украл ваше детство. Тех, кто превратил вас в оружие, не спросив вашего согласия. Но теперь у вас есть выбор. Вы можете продолжать ненавидеть — себя, их, весь мир. Это ваш выбор, и я не буду вас судить. Но вы можете попробовать другое. Попробовать исцелиться. Это будет долго. Это будет больно. Но это возможно.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я видела, как это происходит. С моим мужем. С другими пациентами этого Центра. Это возможно. Нужно только время. И желание.

Олег долго молчал. Потом опустил руки и посмотрел на неё.

— Я хочу, — сказал он тихо. — Я правда хочу. Но я не знаю, как. Вся моя жизнь — это боль. Я не помню ничего другого. Даже когда мне хорошо, я жду, что сейчас всё снова рухнет. Это как... как сидеть в темноте и знать, что где-то рядом — чудовище. И ты не видишь его, но чувствуешь. Всегда чувствуешь.

— Я знаю, — сказала Марьяна. — Мой муж чувствовал то же самое.

— А теперь?

— Теперь у него есть мы. Я. Анна. Дом, сад, работа. Это не избавляет от темноты полностью. Но это помогает. Даёт смысл.

Олег кивнул. Он выглядел измученным, но в его глазах впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на надежду. Или, может быть, на готовность попробовать.

— Я хочу встретиться с ним, — сказал он. — С Игорем. Хочу поговорить.

— Я организую, — пообещала Марьяна. — Когда вы будете готовы.

— Я готов. — Он сжал кулаки. — Я ждал этого тридцать лет.

Она встала и направилась к двери, но у порога обернулась.

— Олег, можно вопрос?

— Да.

— Там, в приёмном покое, когда Анна подошла к вам... что вы почувствовали?

Он задумался. Потом сказал — медленно, тщательно подбирая слова:

— Свет. Не тот, что глазами. Другой. Как будто кто-то открыл окно в комнате, где я сидел всю жизнь. И я вдруг понял, что там, снаружи, есть что-то ещё. Что-то, кроме темноты.

Марьяна кивнула.

— Она всегда такая, — сказала она. — Моя дочь. Она видит свет даже там, где его нет.

— Это дар, — сказал Олег.

— Да. И проклятие.

Она вышла из палаты и тихо притворила за собой дверь. В коридоре её ждал Гришин с чашкой горячего чая.

— Ну что? — спросил он.

— Будет жить.

— А остальное?

— Остальное — время покажет.

Она взяла чашку, сделала глоток и посмотрела в окно. Дождь кончился. Сквозь облака пробивалось робкое майское солнце — такое же, какое рисовала Анна в своих альбомах. Золотистое, тёплое, обещающее, что после любой тьмы всегда наступает рассвет.

По крайней мере, на сегодня.

Глава 4. Экспедиция

Утро перед вылетом началось не с будильника, а с тишины. Такой тишины, какая бывает только перед большой бурей, — густой, вязкой, наполненной ожиданием. Игорь проснулся в пять, но не стал вставать. Он лежал в постели, глядя в потолок, и слушал, как дышит Марьяна — ровно, спокойно, словно ничего не должно было случиться. Ему хотелось запомнить этот звук. Записать его на какую-то внутреннюю плёнку, чтобы потом, в сибирской тайге, прокручивать снова и снова. Чтобы помнить, ради чего он всё это делает.

За окном занимался серый рассвет. Московский ноябрь не баловал красками — только оттенки серого, от асфальтового до небесного, сливались в одну монотонную картину. Ветви старой яблони, которую Игорь когда-то хотел спилить, но так и не спилил, чернели на фоне светящегося неба, как вены. Под ней, в мёрзлой земле, лежала монтировка Артемия. Игорь знал, что она там, и это придавало ему странную уверенность — словно друг всё ещё был рядом. Словно он мог в любой момент выйти в сад, раскопать её и услышать знакомый голос: «Не будь пустым, Пиров. Сделай что-нибудь».

Он и собирался сделать. Через два часа вертолёт с эмблемой Департамента мониторинга аномальных явлений поднимется в воздух и возьмёт курс на восток. Туда, где в мёрзлой земле Подкаменной Тунгуски ждало то, что могло уничтожить всё живое. И он, Игорь Пиров, бывший таксист с амнезией, бывший Проводник, муж и отец, должен был это остановить. С остатком искры в запястье. С рисунком дочери в нагрудном кармане. С памятью о мёртвом друге.

Марьяна зашевелилась. Она всегда чувствовала, когда он не спит, — даже во сне, даже в темноте.

— Ты не спал? — спросила она, не открывая глаз.

— Спал. Немного.

— Врёшь.

— Вру.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Взгляд был тёплым, но в глубине его таилась тревога, которую она пыталась скрыть. За эти годы Игорь научился читать её лицо как открытую книгу — каждую морщинку, каждый мускул, каждую тень под ресницами. Сейчас книга говорила: «Я боюсь. Но я не скажу этого, потому что тебе и так тяжело».

— Кофе? — спросила она, садясь.

— Да. Крепкий.

— Как всегда.

Она накинула халат и вышла на кухню. Игорь ещё несколько минут лежал, потом заставил себя встать. Тело слушалось плохо — сказывалась бессонная ночь. Но он знал, что стоит выпить кофе, умыться холодной водой, и всё встанет на свои места. По крайней мере, физически. С остальным сложнее.

На кухне уже пахло свежемолотым кофе. Марьяна стояла у плиты, спиной к нему, и её плечи были напряжены. Игорь подошёл, обнял её сзади и прижался щекой к её волосам.

— Всё будет хорошо, — сказал он.

— Ты не можешь этого знать.

— Не могу. Но я верю.

— Во что?

— В тебя. В Анну. В нас.

Марьяна повернулась и посмотрела ему в глаза. В её взгляде стояли слёзы — не пролитые, но готовые пролиться в любую секунду. Она сдерживала их, как всегда, сдерживала. Как научилась за эти годы.

— Я хочу, чтобы ты вернулся, — сказала она. — Это всё, чего я хочу. Плевать на Теней, на Плетение, на пророчества. Ты нужен мне. Ты нужен Анне. Ты нужен тому, кто ещё не родился. Остальное не важно.

— Важно, — тихо ответил Игорь. — Потому что если Тени прорвутся, не будет ни меня, ни тебя, ни Анны. Вообще ничего не будет. Я должен попытаться.

— Я знаю. — Она отвернулась и стала разливать кофе по чашкам. Руки её дрожали, но она справилась. — Просто... просто помни, что тебя ждут. Ладно?

— Ладно.

Они пили кофе молча. Говорить больше было не о чем — всё уже было сказано вчера, и позавчера, и за все эти годы. Говорить — значит повторять одно и то же, а повторения убивают смысл. Поэтому они просто сидели рядом, касаясь друг друга плечами, и смотрели, как за окном медленно светлеет небо.

В половине седьмого проснулась Анна. Она вошла на кухню, босая, в пижаме с единорогами, с вечно растрёпанными волосами. В одной руке она держала плюшевого зайца, в другой — сложенный лист бумаги.

— Пап, я нарисовала тебе защиту, — объявила она, протягивая рисунок.

Игорь взял лист и развернул. На нём было что-то сложное — переплетение золотистых линий, складывающихся в фигуру, отдалённо напоминающую щит. Или кокон. Или карту звёздного неба. Трудно было сказать определённо. Но когда его пальцы коснулись бумаги, искра в запястье отозвалась знакомым теплом. Рисунок работал. Он действительно был защитой — слабой, детской, но настоящей.

— Спасибо, — сказал Игорь, обнимая дочь. — Я возьму его с собой.

— Возьми. И ещё... — Анна на мгновение замаялась, — ...возьми меня.

— Что?

— Возьми меня с собой. Я знаю, что ты летишь к тёте Свет. Я хочу помочь.

Игорь опустил на корточки и заглянул дочери в глаза. Серые, ясные, с золотыми искорками, которые появлялись в них всё чаще.

— Аня, это опасно, — сказал он. — Очень опасно. Там будет холодно, темно и страшно. Ты ещё маленькая.

— Я не маленькая. — Анна нахмурилась. — Я уже большая. И я могу помогать. Ты же видел, как я помогла тому дяде в центре. Мама рассказывала.

Игорь бросил быстрый взгляд на Марьяну. Та стояла у плиты, сжимая в руках чашку, и на её лице читалась та же мысль, что и у него: «Она знает. Она всё знает».

— Тот дядя был здесь, в Москве, — сказал Игорь. — А мы летим далеко-далеко. В Сибирь. Там нет домов, нет больниц, нет ничего. Только снег и лес. И очень холодно.

— Я не боюсь холода. — Анна топнула ногой. — И я не боюсь темноты. Я же говорила: темнота — это не страшно. Ей просто нужно, чтобы кто-то посветил.

— Тебя не могут взять, — твёрдо сказала Марьяна. — Это даже не обсуждается.

— Почему?

— Потому что мы — твои родители, и наша задача — тебя защищать. А не везти в место, откуда можно не вернуться.

— Но папа едет! Почему папе можно, а мне нельзя?

— Папа — взрослый. И у него есть... особые способности.

— У меня тоже есть! — Анна вырвала у отца рисунок и подняла его над головой. Линии на бумаге вспыхнули золотым светом — ярким, пульсирующим, заполнившим всю кухню. — Видите? Я могу защищаться. И я могу защищать папу. И тётю Свет. Я нужна там!

В кухне повисла тишина. Игорь смотрел на светящийся рисунок и чувствовал, как внутри него борются два чувства: страх за дочь и странная, почти мистическая уверенность в том, что она права. Она действительно была нужна там. Пророчество, найденное Ларисой, говорило об

этом. Альма настаивала на этом. И сама Анна, пятилетняя девочка с карандашом, знала это на каком-то уровне, которого взрослые не могли понять.

Но он не мог. Не мог рисковать ею.

— Нет, — сказал он, вставая. — Ты останешься с мамой. Это окончательное решение.

— Но...

— Никаких «но». Ты нужна маме. Она ждёт малыша, ей нужна твоя помощь. Ты обещала мне заботиться о ней. Помнишь?

Анна опустила рисунок. Свечение погасло. Она смотрела на отца с выражением, которое Игорь не мог расшифровать, — то ли обида, то ли решимость, то ли что-то совсем иное, чему не было названия в человеческом языке.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я буду заботиться о маме.

— Вот и умница. — Игорь поцеловал её в макушку и пошёл одеваться.

Он не видел, как Анна посмотрела ему вслед. Не видел, как она аккуратно сложила рисунок и убрала в карман пижамы. Не видел, как в её глазах мелькнула та самая золотая искра, которая появлялась всякий раз, когда она замышляла что-то, чего взрослые не могли предусмотреть.

Потому что дети — особенно такие дети, как Анна, — умеют ждать. И умеют действовать, когда никто не смотрит.

Сборы прошли быстро. Игорь надел тёплый свитер, связанный Марьяной, поверх него — армейскую куртку, которую ему отдал Марк. В рюкзак легли шерстяные носки, термобельё, аптечка, фляга с водой и контейнер с бутербродами, который Марьяна положила в последний момент — молча, не глядя на него. Он заметил, что она сунула в боковой карман ещё и шоколадку. И записку, которую он найдёт позже, уже в вертолёте.

Марьяна не плакала. Она стояла на пороге дома, кутаясь в старый плед, и смотрела, как Игорь садится в машину. Рядом с ней стояла Анна — маленькая, серьёзная, с зайцем под мышкой. Она не махала рукой, не кричала «пока». Просто смотрела — так, как смотрит человек, который знает, что это не прощание.

Игорь завёл мотор, и «Солярис» выехал со двора. Он не оборачивался. Боялся, что если обернётся, то не сможет уехать.

На аэродроме всё было готово к вылету.

Вертолёт — чёрный Ми-8 с закрасненными опознавательными знаками — стоял на взлётной полосе, прогревая двигатели. Вокруг него сустились люди: техники проверяли оборудование, бойцы из отряда Громова грузили ящики с припасами, связисты настраивали аппаратуру. Воздух пах керосином и металлом — запах, который Игорь помнил ещё по службе в «Барьере». Запах, который означал, что всё по-настоящему.

Марк ждал его у трапа. Рядом с ним стояли майор Громов и Лариса Волкова — все в тёплой походной одежде, с напряжёнными лицами.

— Ты вовремя, — сказал Марк вместо приветствия. — Докладываю: группа собрана, оборудование погружено, маршрут согласован. Вылет через пятнадцать минут.

— Отлично. — Игорь оглядел вертолёт. — Где Вера?

— Я здесь, — раздался резкий голос за спиной.

Вера Князева подошла к ним, держа в руках небольшой металлический чемоданчик. Она была одета в тёплый пуховик, который сидел на ней мешковато, и шапку, сбившуюся набок. Но взгляд её был, как всегда, острым, пронзительным.

— Я надеюсь, вы захватили с собой что-то, что поможет нам в работе? — спросила она, глядя на Игоря.

— Захватил. — Игорь похлопал себя по нагрудному карману, где лежали рисунок Анны и расшифровка пророчества. — Всё, что нужно.

— Это мы ещё посмотрим.

— Прекратите, — оборвал их Марк. — Сейчас не время для пикировок. Все всё выяснят в полёте. А пока — по местам.

Игорь поднялся в вертолёт. Внутри было тесно и шумно — вой двигателей проникал даже сквозь шлемофоны. Вдоль бортов тянулись металлические скамьи, на которых уже сидели бойцы Громова — четверо крепких мужчин с автоматами и каменными лицами. Сам Громов сидел ближе к кабине пилотов, проверяя планшет с картой. Вера устроилась в дальнем углу, пристегнув чемоданчик к сиденью ремнём. Лариса села рядом с ней, раскладывая на коленях какие-то бумаги.

Игорь занял место у иллюминатора. Он смотрел, как техники убирают трап, как Марк закрыл дверь вертолёта, как лопасти вертолёта начинают вращаться всё быстрее. Через несколько минут аэродром останется внизу, а потом под винтом потянется бесконечная тайга. И обратного пути не будет.

Он сунул руку в карман, проверяя, на месте ли рисунок Анны, и нащупал что-то ещё. Записка. Марьяна. Он развернул её и прочитал — коротко, всего несколько слов, но достаточно, чтобы сердце сжалось:

«Возвращайся. Мы тебя любим».

Он аккуратно сложил записку и убрал обратно. Потом закрыл глаза и попытался сосредоточиться на том, что ждало впереди.

Вертолёт вздрогнул и начал подниматься в воздух.

Они летели уже около часа, когда шум двигателей изменил тональность. Кто-то из бойцов Громова что-то сказал — Игорь не расслышал, но заметил, как майор встал и пошёл в хвостовую часть вертолёта. Через несколько секунд он вернулся, и лицо его было странным — смесь удивления и гнева.

— У нас безбилетный пассажир, — объявил он, перекрикивая вой двигателей.

— Что? — Марк, сидевший ближе к кабине, обернулся. — В каком смысле?

— В прямом. — Громов посторонился, и все увидели то, что он обнаружил.

В хвостовой части вертолёта, за грудой ящиков с оборудованием, сидела Анна. Она была закутана в свою детскую курточку, на голове — шапка с помпоном, в руках — плюшевый заяц и рюкзачок. Она смотрела на взрослых с выражением, в котором сочетались упрямство, лёгкий испуг и что-то вроде торжества. Как будто она только что выиграла в сложной игре и ждала заслуженной награды.

— Аня! — Игорь вскочил с места. Внутри у него всё оборвалось. — Ты что здесь делаешь?!

— Я же говорила, что хочу помочь. — Анна выбралась из своего укрытия и отряхнула курточку. — Вы меня не взяли, и я сама приехала.

— Как?! Как ты сюда попала?!

— Я попросила дядю-лётчика. Он сказал, что тут холодно, но я сказала, что у меня есть шапка. И он меня пустил.

Игорь схватился за голову. Он представил, как его пятилетняя дочь уговаривает кого-то из техников пустить её в вертолёт. Представил, как она прячется за ящиками, пока взрослые готовятся к вылету. И понял, что это было неизбежно. Анна была дочерью Проводника — в ней текла та же сила, то же упрямство, та же неспособность сидеть сложа руки, когда что-то происходило.

— Мы должны вернуться, — сказал Марк. — Высадить её.

— Мы не можем, — возразил Громов. — Возвращение на базу — это потеря минимум трёх часов. Топливо, время, ресурсы. И каждая минута на счету.

— Но это ребёнок!

— Я понимаю. — Громов посмотрел на Анну, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение. — Но она уже здесь. И, насколько я понимаю, она — не просто ребёнок.

Вертолёт трянуло, и Анна, потеряв равновесие, схватилась за ближайший ящик. Игорь подхватил её на руки и прижал к себе. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты понимаешь, что ты натворила? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Понимаю. — Анна посмотрела ему в глаза. — Но я всё равно должна была поехать. Тётя Свет сказала, что я нужна.

— Когда? Когда она тебе это сказала?

— Сегодня ночью. Во сне. Она сказала: «Анна, твой отец отправляется в опасный путь. Он будет храбрым, но ему понадобится свет. Ты — единственная, кто может дать ему этот свет». И я проснулась и поняла, что должна ехать.

Игорь закрыл глаза. Альма. Она говорила с Анной во сне. Она направляла её. Теперь всё встало на свои места. Пророчество, рисунки, дар, который с каждым днём становился сильнее. Анна была не просто ребёнком. Она была частью этого. Всегда была.

— Ладно, — сказал Марк, нарушая тишину. — Раз уж так вышло, назад мы не поворачиваем. Но девочка остаётся под постоянным наблюдением. Громов, выделите одного бойца — он будет отвечать за её безопасность.

— Есть. — Громов кивнул.

— И ещё... — Марк посмотрел на Веру, которая всё это время молча наблюдала за происходящим. — Вы хотели увидеть доказательства существования Плетения? Кажется, сейчас самое время.

— Что вы имеете в виду? — спросила Вера, прищурившись.

— Я имею в виду, что вы сидите в одном вертолёте с природным Проводником. С пятилетней девочкой, которая может заставить солнце светиться на бумаге. Если это не доказательство, то я не знаю, что вам нужно.

Вера перевела взгляд на Анну. Девочка, всё ещё сидевшая на руках у отца, посмотрела на неё с тем же спокойным любопытством, с каким смотрела на Олега Кравцова полгода назад.

— Это правда? — спросила Вера. — Ты можешь... делать что-то особенное?

— Могу, — просто ответила Анна. — Хотите, покажу?

— Да. Покажи.

Анна высвободилась из отцовских объятий, достала из кармана огрызок жёлтого карандаша и, не найдя бумаги, просто провела рукой по воздуху. И там, где прошла её ладонь, остался свет. Не рисунок. Не иллюзия. Свет — мягкий, золотистый, тёплый. Он закружился в воздухе, складываясь в знакомую фигуру — ту самую, которую Анна рисовала в своих альбомах. «Тётя Свет». Альма.

Вертолёт наполнился золотым сиянием. Бойцы Громова замерли. Лариса прижала руки к груди. Марк смотрел на происходящее с выражением человека, который многое видел, но такого — никогда.

А Вера... Вера побледнела. Её лицо, всегда такое уверенное, такое рациональное, дрогнуло. Она смотрела на свет, на фигуру, которая начала обретать очертания, и её губы беззвучно шевелились.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Это противоречит всем законам...

— Законы существуют, чтобы их пересматривать, — раздался голос.

Не голос Анны. Другой. Мягкий, серебристый, наполненный тысячелетним знанием. Свет сгустился, и в воздухе перед ними возникла фигура женщины — высокой, тонкой, с пепельными волосами и глазами, в которых мерцали звёзды. Альма. Не голос в голове, не видение во сне. Реальная. Сотканная из Плетения, но достаточно плотная, чтобы все могли её видеть.

— Здравствуйте, — сказала она, обводя взглядом присутствующих. — Я — Альма, последняя из Эйло'Ра, Хранительница Плетения Земли. И я благодарю вас за то, что вы отпра-

вились в этот путь. Без вас этот мир был бы обречён. — И посмотрев на Анну добавила. — Ты храбрая девочка, Аня. Не испугалась телепортации из дома прямо в летящий вертолёт.

Вера медленно поднялась с места. Её чемоданчик с приборами выпал из рук и покатился по полу, но она этого не заметила.

— Вы... вы существуете, — прошептала она. — Вы реальны. Я читала отчёты, я изучала досье, но я думала... я думала, это всё метафоры. Иносказания. Что Плетение — это какая-то форма неизвестной энергии, а не... не разум.

— Плетение — это и энергия, и разум, и нечто большее, — ответила Альма. — Оно — ткань реальности. И сейчас эта ткань рвётся. Тени, древние сущности, питающиеся существованием, пробуждаются. Если мы не остановим их, всё, что вы знаете и любите, перестанет быть.

Вера молчала. Её глаза, всегда такие холодные и цепкие, сейчас были широко раскрыты. Она смотрела на Альму, как ребёнок смотрит на фокусника, — с восторгом и ужасом одновременно. Весь её научный скептицизм, весь рационализм, который она выстраивала годами, рушился в одно мгновение.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю, что сказать.

— Ничего не говорите, — мягко произнесла Альма. — Просто примите то, что видите. И помогите нам. Ваш ум, ваши знания — они понадобятся.

Альма повернулась к Анне и опустилась перед ней на колени. Её призрачная фигура колыхнулась, как пламя свечи.

— Спасибо, маленькая, — сказала она. — Ты сделала то, что должна была.

— Я знала, что ты меня ждёшь, — ответила Анна. — Я чувствовала.

— Чувствовала. — Альма улыбнулась, и в этой улыбке было что-то бесконечно грустное. — Ты удивительный ребёнок, Анна Пирова. Твой дар — величайшая надежда этого мира. Но и величайшая опасность. Ты должна быть готова.

— Я готова.

— Нет. Пока нет. Но ты будешь. — Альма встала и посмотрела на Игоря. — Береги её. Она нужна нам. Нужна больше, чем ты можешь представить.

— Я знаю, — сказал Игорь. — Я всегда это знал.

Альма кивнула и начала таять. Золотой свет медленно рассеялся, оставив после себя только запах озона и ощущение, что в мире стало чуть больше чуда.

Вертолёт летел дальше. За иллюминаторами простиралась бесконечная тайга — тёмная, суровая, равнодушная. Но внутри, в тесном отсеке, среди автоматов и приборов, горел маленький огонёк. Пятилетняя девочка с карандашом, которая верила, что свет может победить тьму.

И где-то там, впереди, их ждал храм в вечной мерзлоте.

Глава 5. Храм в вечной мерзлоте

Вертолёт сел на лёд, и тишина, наступившая после того, как стихли двигатели, была почти оглушительной. Игорь слышал, как потрескивает остывающий металл, как ветер шуршит снежной крупой по обшивке, как тяжело дышит кто-то из бойцов за спиной. Он отстегнул ремни, размял затёкшие плечи и выглянул в иллюминатор. Вокруг ни души. Лёд давно застывшего озера.

"Не бойся Игорь. Вы на месте.", услышал он в своей голове.

И вдруг что-то начало меняться. в воздухе появились золотые нити, они большой рекой потянулись в одну точку. И скоро превратились в огромный столб света, из которого появились очертания храма. Там, где десять секунд назад ничего не было, появился он.

Храм Эйло'Ра.

Он возвышался над тайгой в каких-то трёхстах метрах от посадочной площадки, и, глядя на него, Игорь испытывал чувство, которого не знал раньше. Не страх — страх был привычен,

он стал частью его жизни с того дня, как он очнулся с амнезией в московской больнице. Не трепет — трепетать перед неизвестным он разучился в подземельях «Нейрона». Это было что-то другое. Что-то среднее между узнаванием и головокружением. Словно храм смотрел на него в ответ и узнавал. Словно он ждал именно его — не Марка, не Веру, не Громова с его автоматчиками, — а именно его, бывшего таксиста, бывшего Проводника, человека, в запястье которого всё ещё тлела искра чужой, невозможной силы.

— Красиво, — произнёс кто-то. Кажется, один из бойцов. — Как в кино.

— В кино обычно всё заканчивается хорошо, — отозвался Громов, проверяя автомат. — А здесь гарантий нет.

Игорь не стал отвечать. Он смотрел на храм и думал о том, что люди, построившие его, не имели ни малейшего представления о кинематографе. Они вообще не были людьми. Задолго до того, как первый человек слез с дерева и взял в руки палку, они уже путешествовали между звёзд. Они знали Плетение так, как люди знают огонь — не как чудо, а как инструмент, как оружие, как продолжение собственной воли. И они построили это место — не для поклонения, не для жертвоприношений, а для чего-то иного. Для того, о чём Игорь боялся думать.

Храм был высечен прямо в скале — гигантском гранитном утёсе, который возвышался над тайгой подобно спине доисторического чудовища. Скала эта стояла здесь миллионы лет, пережила ледники, землетрясения, падения метеоритов — и храм пережил вместе с ней. Его фасад, частично скрытый снегом и льдом, поражал воображение: три гигантские арки, одна над другой, уходили в скалу, как рёбра какого-то колоссального скелета. Колонны, поддерживавшие их, были покрыты символами, которые слабо светились золотистым — даже сейчас, в серых ноябрьских сумерках. Символы эти не были ни рисунками, ни буквами в привычном понимании. Они напоминали скорее математические формулы, обретшие плоть. Или музыку, заставшую в камне.

«Интересно, — подумал Игорь, — каково это — построить такое? Каково это знать, что твоё творение переживёт тебя на миллионы лет? И каково это — вернуться сюда, когда от твоей расы осталась лишь одна-единственная душа, рассеянная в Плетении?»

— Выходим, — скомандовал Громов, первым прыгивая на лёд. Его люди последовали за ним, занимая позиции по периметру: двое у вертолёта, двое у начала тропы, ведущей к храму. Профессионалы. Они не задавали лишних вопросов, но Игорь видел, как они поглядывают на светящиеся арки, как пальцы их непроизвольно сжимаются на оружии. Храм пугал их — и правильно делал.

Следом выбрался Марк. Он был в тяжёлой армейской куртке, на голове — шапка-ушанка, которую он натянул так низко, что шрам через бровь стал почти не виден. Марк оглядел храм, хмыкнул что-то себе под нос и повернулся к вертолёту.

— Князева, Волкова — выходим. Вещи пока оставьте, сначала разведка. Анна остаётся в вертолёте с пилотами. Пиров, ты с нами.

Вера спустилась первой. Она тащила свой неизменный чемоданчик с приборами и даже не смотрела под ноги — всё её внимание было поглощено храмом. Игорь заметил, что она шепчет что-то себе под нос — то ли молитву, то ли уравнивания. Её лицо, обычно холодное и надменное, сейчас выражало почти детский восторг. Так смотрят на чудо люди, которые всю жизнь доказывали, что чудес не бывает.

— Невероятно, — произнесла она, останавливаясь рядом с Игорем. — Вы видите эти пропорции? Они нарушают все законы перспективы. Если долго смотреть на центральную арку, она кажется то ближе, то дальше. Это оптическая иллюзия или...

— Или архитектура Эйло'Ра работает с восприятием напрямую, — закончил Игорь. — Я видел такое раньше. На их корабле.

— На корабле? — Вера повернулась к нему, и в её глазах вспыхнул жадный интерес учёного. — Вы мне не рассказывали.

— Потом. Сейчас не время.

Лариса выбралась из вертолѐта последней. Она ёжилась от холода, кутаясь в тёплый пла-ток, но взгляд её был прикован к символам на арках. Она подошла ближе, вглядываясь в све-тящиеся знаки, и губы её беззвучно зашевелились.

— Я знаю этот язык, — сказала она наконец. — Вернее, его диалект. Он похож на тот, что использовался в текстах Хранителя, но старше. Намного старше. Эти символы... им не меньше двух миллионов лет.

— Что здесь написано? — спросил Марк.

— Сейчас. — Лариса достала из кармана блокнот и карандаш, принялась лихорадочно перерисовывать символы. — Это предупреждение. Очень древнее. «Входящий сюда да будет готов... встретить...» — Она запнулась. — Здесь сложная грамматика. То ли «встретить Теней», то ли «стать Тенью». Я не уверена.

— Очень обнадеживающе, — пробормотал Громов.

— Подождите, — продолжала Лариса, водя пальцем по символам. — Дальше: «...ибо то, что заперто здесь, не знает ни жалости, ни времени. Оно было до начала и пребудет после конца. Не будите спящего, ибо сон его — ваша защита». — Она подняла глаза. — Они заперли здесь Теней. Не все, но какую-то их часть. Или, может быть, одну из них. Очень сильную.

Все переглянулись. Ветер, и без того холодный, стал, кажется, ещё холоднее. Игорь смот-рел на тёмный провал входа, и ему вдруг почудилось, что оттуда тянет сквозняком — не физи-ческим, а каким-то иным. Сквозняком, от которого волосы на затылке вставали дыбом.

— Мы должны войти, — сказал он, нарушая тишину. — Альма говорила, что ритуал возможен только здесь. Если мы не восстановим её силу, Тени прорвутся везде — не только здесь.

— А если ритуал как раз и разбудит то, что заперто? — спросила Вера.

— Альма знает, что делает.

— Вы уверены?

— Нет. Но у нас нет выбора.

Марк кивнул и жестом приказал Громову выдвигаться. Майор оставил двоих бойцов у вертолѐта, а с остальными двинулся к входу в храм. Игорь шѐл рядом с Ларисой, которая про-должала расшифровывать символы, бормоча себе под нос.

— Здесь ещё что-то, — говорила она. — Мелкие знаки, почти стѐртые. Они упоминают «Проводника». Того, кто «соединит разорванное и укрепит стены темницы». Это о вас?

— Не знаю.

— Или о вашей дочери.

Игорь промолчал. При мысли об Анне сердце сжалось. Она осталась в вертолѐте.

Тропа, ведущая к храму, была вымощена огромными каменными плитами, отполиро-ванными ветром и временем до зеркального блеска. На некоторых из них ещё сохранились барельефы — фигуры Эйло'Ра, застывшие в вечном движении. Они были высокими, тонкими, с непропорционально большими глазами и длинными пальцами, которые, казалось, касались чего-то невидимого. Плетение. Они изображали Плетение — золотые нити, струящиеся от их рук к небу, к звѐздам, к другим мирам.

— Красивые, — прошептала Вера, разглядывая барельефы. — Совсем не похожи на нас.

— Зато похожи на Альму, — заметил Марк.

— Альма — последняя из них. Наверное, она видела этих существ живыми. Наверное, она помнит их голоса, их лица. Каково это быть последней?

Никто не ответил. Каждый думал о своём.

Вход в храм напоминал пасть. Огромную, чёрную, обрамлѐнную светящимися симво-лами, которые при приближении начинали пульсировать ярче. Игорь остановился на пороге,

вглядываясь в темноту. Из глубины доносился звук — низкий, ритмичный, похожий на дыхание спящего великана. Или на биение сердца. Или на то и другое сразу.

— Там что-то есть, — тихо сказал он. — Я чувствую.

— Тени? — спросил Громов, кладя палец на спусковой крючок.

— Нет. Что-то другое. Старое. Очень старое. — Игорь прислушался к искре. Она пульсировала в такт этому звуку, и это не было больно. Скорее — успокаивающе. Словно храм приветствовал его. — Это место силы. Альма была права.

Он первым шагнул внутрь.

Коридор, открывшийся за входом, был длинным и уходил вниз под небольшим уклоном. Стены его были выложены кристаллами, которые излучали мягкий золотистый свет, и свет этот казался почти живым — он пульсировал, переливался, менял оттенки от янтарного до бледно-лимонного. Под ногами был гладкий пол из того же материала, что и плиты снаружи, но здесь символы покрывали каждый сантиметр. Они были повсюду — на стенах, на потолке, даже на полу, и все они пели. Не голосами — Плетением. Игорь чувствовал эту песню, хотя не мог бы описать её словами.

— Здесь красиво, — прошептала Лариса, идя рядом. — Как в соборе. Только собор этот построен не для людей.

— А для кого?

— Для Плетения. Это не храм в нашем понимании. Это что-то вроде... энергетического узла. Места, где ткань реальности наиболее тонка. Эйло'Ра использовали такие узлы для путешествий между мирами. И для того, чтобы запира́ть Теней.

— Значит, мы идём по тюрьме.

— Да. По самой древней тюрьме из всех, что существуют.

Коридор закончился внезапно. Они вышли в зал, и у всех, кто там оказался, перехватило дыхание. Зал был огромен. Потолок терялся в темноте, хотя свет от кристаллов здесь был ярче. Пол был покрыт мозаикой из золотых и серебряных плит, складывающихся в узор, напоминающий карту звёздного неба — но не того, что видно с Земли. Это была карта какой-то чужой галактики, с чужими созвездиями, чужими планетами, чужими солнцами. В центре зала возвышался алтарь — огромный монолит из чёрного камня, который, казалось, поглощал свет. Вокруг него были начертаны концентрические круги, заполненные теми же символами, что и на стенах.

Игорь подошёл к алтарю. Чёрный камень был холодным на ощупь — не просто холодным, а ледяным, хотя в зале было не так уж морозно. Он коснулся его ладонью, и искра в запястье взорвалась болью — такой сильной, что он едва не отдернул руку. Перед глазами вспыхнули образы. Он увидел Альму — настоящую, во плоти, — стоящую на этом самом месте. Она была окружена другими Эйло'Ра, и все они пели — не голосами, а Плетением, которое струилось сквозь них, как кровь. Они что-то запирали. Что-то огромное, чёрное, бездонное. Оно рвалось наружу, кричало на частотах, недоступных человеческому слуху, и его ярость была так велика, что реальность трещала по швам. Но Эйло'Ра держали. Они связывали его золотыми нитями, затягивали в камень, запирали в этом храме. И когда всё было кончено, один из них — высокий, с глазами, полными звёзд, — повернулся к Альме и сказал:

— Ты останешься. Будешь стражем. Будешь помнить.

И Альма кивнула.

Видение исчезло. Игорь отдернул руку и покачнулся. Марк поддержал его.

— Что ты видел?

— Их. Эйло'Ра. Они заперли здесь одну из Теней. Не просто заперли — приковали к этому камню. А Альму оставили стражем. — Игорь посмотрел на алтарь. — Она не просто Хранительница Плетения. Она тюремщик. И эта тюрьма — её.

— Значит, ритуал может освободить заключённого?

— Или укрепить замок. Альма говорила, что после Раскола её сила рассеялась. Если мы поможем ей восстановиться, она сможет удерживать Теней. Здесь и везде.

— А если нет?

— Тогда то, что заперто здесь, вырвется на свободу.

— Отлично. — Марк вздохнул. — Просто отлично.

Лариса тем временем обошла алтарь и вглядывалась в символы, начертанные на полу. Её лицо было бледным, но в глазах горел огонь исследователя, который нашёл то, что искал всю жизнь.

— Я могу попробовать расшифровать инструкцию, — сказала она. — Если ритуал был проведён здесь однажды, значит, есть запись о том, как это сделать.

— Действуйте, — сказал Марк. — У нас мало времени.

Игорь отошёл в сторону и сел на одну из каменных плит, пытаясь привести мысли в порядок. Искра всё ещё болела. Видение забрало у него больше сил, чем он ожидал. Он закрыл глаза и попытался позвать Альму — не словами, а Плетением, тем крохотным остатком силы, что ещё теплился в нём.

«Альма. Ты здесь?»

«Да, Игорь». Голос её прозвучал в сознании так ясно, словно она стояла рядом. «Я чувствую это место. Чувствую каждый камень. Когда-то я была здесь. Очень давно».

«Ты знаешь, что мы должны делать?»

«Да. Ритуал прост. Ты должен встать в центр круга и направить свою искру в алтарь. Энергия Плетения сконцентрируется в камне, и я смогу собрать себя воедино. Но будь осторожен: процесс привлечёт внимание Теней. Они почувствуют всплеск и попытаются прорваться. Тебе нужно будет продержаться, пока я не завершу восстановление».

«Сколько это займёт?»

«Не знаю. Может быть, несколько минут. Может быть, час. Здесь время течёт иначе».

Игорь открыл глаза. Марк, Вера и Лариса стояли вокруг алтаря, обсуждая детали. Громов со своими людьми осматривал периметр зала. Он нашёл ещё два коридора, уходящих вглубь скалы, и выставил у них посты. Храм был огромен — целый лабиринт, высеченный в камне миллионы лет назад. Что ещё скрывалось в его глубинах, Игорь не знал, но чувствовал: что-то было. Что-то, дремавшее и ждущее.

— Я готов, — сказал он, вставая. — Начинаем.

— Подождите, — остановила его Лариса. — Я нашла кое-что. Вот здесь. — Она указала на символы у основания алтаря. — Это не просто инструкция. Это предостережение. Ритуал требует не только Проводника. Ему нужен... якорь.

— Якорь?

— Да. Что-то, что удержит Плетение в стабильном состоянии, пока Альма будет восстанавливаться. Без якоря энергия может выйти из-под контроля. Последствия будут... катастрофическими.

— Что может служить якорем?

— Другой Проводник. Или... — Лариса замаялась. — Или кто-то с природным даром. Чья связь с Плетением не искусственна, а врождённа.

В зале повисла тишина. Игорь понял, о ком она говорит. Анна. Его дочь. Природный Проводник, чей дар проявлялся в рисунках, которые светились. В снах о золотой женщине. В способности успокаивать боль одним прикосновением.

— Она в этом не будет участвовать, — сказал он. — Я дважды повторять не буду!

— Я знаю. — Лариса опустила глаза. — Я просто сообщаю то, что прочитала.

— Тогда начинаем без неё. Я справлюсь.

Игорь встал в центр концентрических кругов, лицом к алтарю. Закрыл глаза. Потянулся к искре — маленькому, дрожащему огоньку в запястье. Она отозвалась не сразу, но он был

терпелив. Он вспомнил всё, чему научила его Альма. Вспомнил, как держал Плетение в руках в лаборатории «Нейрона». Вспомнил, как стал мостом между Кромтом и Хранителем. Это было больно, невыносимо больно, но он выдержал. Выдержит и сейчас.

— Я начинаю, — произнёс он вслух и потянул нить.

Золотой свет хлынул из его запястья. Он был слабым, неуверенным, но настоящим. Нити Плетения потянулись к алтарю, закружились вокруг чёрного камня, и тот начал светиться — не золотым, а каким-то глубоким, тёмно-синим светом, похожим на цвет ночного неба. Игорь почувствовал, как сила проходит сквозь него, наполняет его, а потом уходит в камень. Это было похоже на то, как если бы он переливал воду из одного сосуда в другой. Только вода была горячей. Очень горячей.

— Держись, — услышал он голос Марка. — Мы с тобой.

Искра в запястье запульсировала чаще. Игорь почувствовал, как нарастает давление — не снаружи, а изнутри. Словно что-то давило на него из-за грани реальности. Тени. Они почувствовали его. Они знали, что здесь происходит.

— Быстрее, Альма, — прошептал он. — Я не знаю, сколько ещё продержусь.

И в этот момент из-за колонны, что стояла у дальней стены, вышла Анна.

Она появилась бесшумно, как призрак. Маленькая фигурка в курточке и шапке с помпоном, с неизменным зайцем под мышкой. Она шла по залу, и кристаллы на стенах вспыхивали ярче при её приближении. Все замерли. Марк выругался. Вера уронила блокнот. Громов, стоявший у входа, схватился за автомат и тут же опустил его, увидев ребёнка.

— Аня?! — Игорь почти сорвал голос. — Что ты здесь делаешь?! Как ты...

— Я же говорила, — сказала Анна, останавливаясь у края круга. — Тётя Свет позвала меня. Я нужна здесь.

— Но... как ты покинула вертолёт? Мы же...

— Я вышла. — Анна улыбнулась — той самой улыбкой, в которой сочетались детская непосредственность и что-то древнее, нечеловеческое. — Это было легко. Меня никто не заметил.

Игорь смотрел на дочь и не знал, что чувствовать. Гнев? Ужас? Гордость? Всё смешалось в один тугой ком, который застрял где-то в горле. Он хотел кричать, требовать, чтобы её немедленно увели, укрыли, спрятали. Но он знал: это бесполезно. Она была здесь. Она была ключом. И она собиралась им воспользоваться.

— Лариса была права, — тихо сказала Альма, чей голос прозвучал в сознании Игоря. — Твоя дочь — якорь. Без неё ритуал не завершить. С ней — мы сможем не только восстановить меня, но и навсегда укрепить эту тюрьму. Тени, что заперты здесь, больше никогда не вырвутся.

— Это опасно? — спросил Игорь.

— Да. Но она сильнее, чем ты думаешь. Она природный проводник. Она рождена для этого.

Игорь закрыл глаза. Он вспомнил пророчество, которое показывала ему Лариса. «И придёт Проводник, рождённый не в пробирке, но в любви». Его дочь. Его маленькая девочка, которая рисовала солнце.

— Хорошо, — сказал он, принимая неизбежное. — Что она должна делать?

— Пусть встанет рядом с тобой. И пусть не боится.

Игорь опустил на колени и протянул дочери руку.

— Иди сюда, — сказал он. — И держись рядом.

Анна подошла и взяла его ладонь. Её пальчики были тёплыми — даже горячими, — и в тот момент, когда они соприкоснулись, искра в запястье Игоря вспыхнула с новой силой. Боль ушла. Вместо неё пришёл свет — яркий, золотой, заполнивший весь зал. Анна отпустила руку Игоря, и сделала пару шагов назад. Так сделать, её попросила тётя Свет.

— Начинаем, — произнесла Альма, и голос её звучал теперь не в сознании, а в самом воздухе, в вибрации камня, в пульсации кристаллов.

Ритуал начался.

Глава 6. Первое касание

Ритуал начался не с яркой вспышки, не с грома, не с трубного гласа, возвещающего начало конца или новое творение. Он начался с тишины. Глухой, ватной тишины, которая накрыла храм, едва Игорь закрыл глаза и потянулся к искре. Все звуки — дыхание бойцов, шорох одежды, потрескивание кристаллов в стенах — исчезли разом, словно кто-то выключил звук у мира. Даже собственное сердцебиение Игорь перестал слышать. Осталась только искра — крохотный огонёк в левом запястье, который теперь казался не частью тела, а самостоятельным существом, живущим собственной жизнью. И эта жизнь просыпалась.

Он стоял в центре концентрических кругов, выбитых в каменном полу миллионы лет назад, и чувствовал, как линии этих кругов начинают нагреваться под подошвами ботинок. Тепло поднималось от камня, проходило сквозь толстую резину, сквозь шерстяные носки, связанные Марьяной, сквозь кожу — и вливалось в кровеносную систему, смешиваясь с кровью, превращая её в нечто иное. В жидкое золото. В расплавленное солнце. В энергию, которая не имела названия ни в одном человеческом языке, но которую Эйло'Ра называли Плетением.

«Начинай, — голос Альмы прозвучал в сознании, как звук камертона, настроенного на ту же частоту, что и его искра. — Медленно. Не торопись. Дай энергии течь свободно. Ты — русло, Игорь. Не пытайся стать рекой. Просто позволь ей течь сквозь тебя».

«Я помню», — мысленно отозвался он.

«Знаю, что помнишь. Но помнить — не значит уметь. В прошлый раз ты был мостом. Сейчас ты — проводник. Разница в том, что мост соединяет два берега. Проводник соединяет источник и приёмник. Я — приёмник. Алтарь — источник. Ты — между нами. Чувствуй».

Игорь чувствовал.

Он медленно поднял руки — не по своей воле, а повинаясь какому-то древнему инстинкту, который проснулся вместе с искрой. Ладони его раскрылись, и из кончиков пальцев — из всех десяти сразу — вырвались золотые нити. Тонкие, как паутина, но прочные, как стальные тросы. Они потянулись к алтарю, к чёрному камню, который поглощал свет и не отражал ничего, и коснулись его поверхности с тихим, почти неслышным звоном.

В тот же миг храм ожил.

Кристаллы в стенах, до этого горевшие ровным золотистым светом, вспыхнули с утроенной силой. Их свечение стало ярким, почти слепящим, и тени, которые ещё несколько минут назад прятались по углам, отступили — не побеждённые, но загнанные глубже в камень. Символы на полу, выбитые Эйло'Ра в незапамятные времена, начали пульсировать в такт биению сердца Игоря. Он не знал, как это возможно — он вообще перестал понимать, где заканчивается он сам и начинается Плетение. Граница между «я» и «не-я» истончилась, стала проницаемой, и сквозь неё хлынули образы.

Он увидел Альму — не так, как видел раньше, не в воспоминаниях и не в видениях, а по-настоящему. Увидел её сущность, рассеянную в Плетении Земли, как туман, разбросанный ветром по огромному пространству. Миллиарды крохотных золотых частиц, каждая из которых была частью её сознания, её памяти, её любви и её боли. Они висели в невидимом океане энергии, и каждая из них пела — тихо, жалобно, как брошенный ребёнок зовёт мать. Они хотели соединиться. Они ждали этого три миллиона лет, что для Плетения было почти одним мгновением.

«Я здесь, — произнёс Игорь одними губами. — Я иду».

Он потянул нити Плетения — осторожно, как учила Альма, — и золотые частицы начали двигаться. Медленно, неохотно, преодолевая сопротивление самой ткани реальности, которая не любит, когда её тревожат. Каждая частица, сдвинувшаяся с места, отдавалась в искре уколом боли — не сильной, но неприятной, как комариный укус. Игорь терпел. Он знал, что будет хуже. Знал, что ритуал только начинается.

За его спиной, у входа в зал, Марк Решетов молча наблюдал за происходящим. Его лицо, изрезанное шрамами и временем, было непроницаемо, но пальцы, сжимавшие автомат, побелели от напряжения. Он видел Плетение — не так, как Игорь, не изнутри, а снаружи: золотые нити, тянущиеся от человека к камню, пульсирующие кристаллы, свет, который становился всё ярче. И он понимал, что если что-то пойдёт не так, его автомат будет бесполезен. Но он всё равно держал его наготове. Потому что не мог иначе.

Рядом с ним стоял майор Громов. Он тоже смотрел на Игоря, и в его глазах читалась смесь профессионального интереса и плохо скрываемого страха. Громов был человеком, который привык иметь дело с реальными угрозами: пулями, бомбами, вражескими солдатами. С тем, что можно увидеть, измерить, уничтожить. Но то, что происходило сейчас в этом древнем зале, не укладывалось в его картину мира. Оно было слишком большим. Слишком чуждым. Слишком... невозможным.

— Он справится, — тихо сказал Марк, хотя Громов его не спрашивал.

— Откуда вы знаете?

— Он уже делал это. В подземной лаборатории «Нейрона». Тогда было хуже — ему пришлось соединить две враждующие сущности, Кромта и Хранителя. А сейчас он просто помогает Альме собрать себя воедино. Это проще.

— Проще? — Громов хмыкнул. — Он выглядит так, будто его на дыбе растягивают.

— Плетение — это больно. Всегда было больно. Особенно для таких, как он. — Марк на мгновение замолчал. — Он — искусственный Проводник. Его мутацию внедрили в детстве. Она не его. Она чужда его телу. И каждый раз, когда он использует Плетение, его организм пытается отторгнуть его. Как отторгают пересаженный орган.

— Но он всё равно это делает.

— Да. Потому что он — Пиров. А Пиров никогда не сдаётся.

Тем временем Вера Князева, стоявшая у дальней стены зала, лихорадочно записывала показания приборов. Её лицо, обычно холодное и бесстрастное, сейчас пылало румянцем — то ли от возбуждения, то ли от страха. Датчики, которые она настроила для измерения Плетения, сходили с ума. Цифры на дисплеях скакали, графики зашкаливали, и каждый новый импульс энергии вызывал помехи, от которых трещали динамики.

— Невероятно, — бормотала она, не обращая ни к кому конкретно. — Уровень энергии превышает все расчётные параметры. Я не могу измерить его — приборы не рассчитаны на такие величины. Это... это как если бы я пыталась измерить температуру Солнца термометром для тела.

— Может, отойдёте подальше? — предложила Лариса, которая стояла рядом, прижимая к груди папку с расшифровками. — Если что-то взорвётся...

— Если что-то взорвётся, расстояние в несколько метров нас не спасёт. — Вера подняла глаза на Игоря. — Вы только посмотрите на него. Он светится. Буквально светится. Его кожа излучает свет в диапазоне, который не фиксируется человеческим глазом, но мои приборы его видят. Он стал... другим.

Лариса посмотрела на Игоря и вздрогнула. Вера была права. Человек, стоявший в центре круга, больше не был похож на обычного мужчину средних лет. Его фигура, окутанная золотыми нитями, казалась выше, тоньше, словно Плетение меняло его на каком-то фундаментальном уровне. Его лицо, освещённое пульсирующим светом кристаллов, утратило привычные

черты — теперь это было лицо существа, которое видело то, чего не видел никто. Вечность. Бесконечность. Ткань реальности, распростёртую перед ним, как карту.

Игорь не замечал ничего вокруг. Он был слишком глубоко — в Плетении, в ритуале, в потоке энергии, которая проходила сквозь него и устремлялась к алтарю. Искра в запястье горела ровным, почти спокойным огнём, но он знал, что это затишье перед бурей. Знал, что самое трудное впереди. Альма ещё не начала собирать себя по-настоящему — пока она только тянулась к нему, готовилась. Когда начнётся основная фаза ритуала, нагрузка возрастёт многократно. И выдержит ли он — этого не знал никто.

«Я готова, Игорь. Начинаем».

Голос Альмы прозвучал не в голове — в сердце. Игорь почувствовал, как золотые частицы, рассеянные в Плетении, вдруг замерли, перестали колебаться, словно затаили дыхание. А потом — рванулись к нему. Все разом. Миллиарды крохотных искр, каждая из которых была частью Альмы, устремились к его искре, как мотыльки летят на пламя. Они ударили в него единым потоком, и боль, которую он испытал, была за пределами всего, что он мог вообразить.

Его выгнуло назад, как от удара током. Рот открылся в беззвучном крике — голосовые связки отказали, не в силах передать то, что он чувствовал. Золотые нити, тянувшиеся от его пальцев к алтарю, натянулись до предела и загудели, как струны невидимого инструмента. Кристаллы в стенах вспыхнули так ярко, что всем пришлось зажмуриться. А по храму пронеслась волна — не звуковая, не световая, а какая-то иная, которую нельзя было измерить приборами, но которую почувствовали все.

Марк пошатнулся, хватаясь за стену. Громов выругался сквозь зубы. Вера вцепилась в свои приборы, которые одновременно взвыли сигналами тревоги. Лариса закрыла лицо руками. А бойцы, стоявшие у входа в зал, попадали на колени — не от страха, а от давления, которое навалилось на них со всех сторон, сжимая грудь, мешая дышать.

И только Анна, стоявшая у края круга, не шелохнулась.

Она смотрела на отца широко раскрытыми глазами, и в этих глазах — серых, с золотыми искорками, — не было страха. Было что-то другое. Что-то, похожее на узнавание. На воспоминание. Словно она видела это раньше — не в этой жизни, а в какой-то другой. Словно она знала, что должна делать.

И она сделала.

Анна шагнула вперёд — туда, где концентрические круги на полу светились ярче всего, где воздух дрожал от напряжения Плетения, где её отец стоял, выгнувшись в безмолвном крике, и золотые нити рвали его изнутри. Она шагнула, и никто не успел её остановить. Марк крикнул что-то, но его голос утонул в гуле энергии. Громов рванулся к девочке, но споткнулся о собственную ногу, сбитый с толку давлением Плетения. А Вера просто смотрела, прижав руку ко рту, потому что её приборы вдруг зафиксировали то, чего она не ожидала: второй источник Плетения. Равный по силе первому. Исходящий от пятилетнего ребёнка.

Анна вошла в круг.

В тот же миг давление, давившее на всех присутствующих, исчезло. Словно кто-то открыл клапан и выпустил лишний пар. Золотые нити, терзавшие Игоря, смягчились, их натяжение ослабло. Кристаллы перестали слепить глаза. А девочка подошла к отцу, взяла его за руку — ту самую, из которой вырывались нити Плетения, — и просто стояла рядом. Маленькая, в шапке с помпоном и курточке, которая была ей велика. С зайцем под мышкой. С карандашом в кармане.

— Папа, — сказала она тихо. — Не бойся. Я здесь.

Игорь не ответил — не мог. Но его лицо, искажённое болью, начало разглаживаться. Дыхание, до этого прерывистое и хриплое, выровнялось. Золотые нити, струившиеся от его пальцев к алтарю, стали толще, ярче, но в то же время — спокойнее. Они перестали метаться,

как обезумевшие змеи, и потекли плавно, как река в половодье. Анна каким-то образом стабилизировала поток. Она стала якорем — тем самым, о котором говорила Лариса.

— Невероятно, — прошептала Вера, глядя на приборы. — Уровень энергии стабилизировался. Он не падает, но перестал расти. Это... это гармонический резонанс. Они вошли в резонанс. Отец и дочь. Их Плетение звучит в унисон.

— Что это значит? — спросил Марк, всё ещё держась за стену.

— Это значит, что они созданы друг для друга. Что способности девочки — не случайность. Она — природный Проводник. Её дар дополняет дар отца. Как две половины одного целого.

— Как Кромт и Хранитель?

— Нет. — Вера покачала головой. — Те были врагами, вынужденными слиться. А эти... они любят друг друга. И их любовь усиливает Плетение. Делает его стабильным. Делает его... живым.

Альма тоже почувствовала это. Её голос, зазвучавший в сознании Игоря, был полон удивления — и надежды.

«Твоя дочь... Игорь, она не просто якорь. Она — усилитель. С ней я смогу собрать себя быстрее. Намного быстрее. Держись. Осталось совсем немного».

«Держусь, — мысленно ответил Игорь. — Она... она не пострадает?»

«Нет. Её дар сильнее твоего. Ей не нужно напрягаться — она просто есть. Просто любит. И этой любви достаточно, чтобы удержать Плетение в равновесии».

Игорь почувствовал, как к горлу подступает ком. Его дочь. Его маленькая девочка, которая рисовала солнце и боялась темноты. Которая пряталась в вертолёте, чтобы помочь ему. Которая сейчас стояла рядом и держала его за руку, не давая упасть в бездну. Она была не просто ребёнком. Она была чудом. Чудом, которое он не заслужил, но которое получил.

Ритуал продолжался.

Минуты текли, сливаясь в одну бесконечную реку времени. Игорь потерял счёт — он не знал, сколько прошло: пять минут, час, вечность. Он просто стоял в центре круга, держа дочь за руку, и чувствовал, как частицы Альмы проходят сквозь него и собираются в алтаре. С каждой секундой их становилось больше. С каждой секундой свечение алтаря усиливалось. Чёрный камень, который раньше поглощал свет, теперь начал излучать его — глубокий, синий, как ночное небо, оттенок сменился серебристым, а потом и золотым. Альма восстанавливалась. Её форма, пока ещё призрачная, уже угадывалась в пульсации света — высокая, тонкая фигура с пепельными волосами и глазами, полными звёзд.

«Ещё немного, — прошептала она. — Ещё чуть-чуть».

И в этот момент храм содрогнулся.

Это было не землетрясение. Землетрясение начинается с толчка, с колебания почвы, с движения тектонических плит. Здесь не было ничего подобного. Храм содрогнулся не физически — он содрогнулся в Плетении. Сама ткань реальности, которая была здесь наиболее тонкой, пошла рябью, как вода от брошенного камня. И эта рябь прокатилась по залу, по коридорам, по всему комплексу, заставив кристаллы на стенах замигать, а символы на полу — вспыхнуть тревожным красным.

— Что это?! — крикнул Громов, вскидывая автомат. — Землетрясение?

— Нет! — ответил Игорь, не открывая глаз. — Что-то другое! Что-то...

Он не договорил. Потому что в центре зала, прямо над алтарём, воздух начал сворачиваться.

Это было похоже на мираж в пустыне — когда горячий воздух искажает очертания предметов, заставляет их дрожать и плыть. Только здесь не было жары. Здесь был холод. Ледяной, пронизывающий до костей холод, который хлынул из ниоткуда и заполнил весь зал. Иней начал выступать на стенах. Дыхание людей вырывалось изо рта густыми облаками пара. А воздух

над алтарём всё сворачивался и сворачивался, сжимаясь в точку, которая не была точкой — которая была дырой.

Брешь.

Она открылась беззвучно — что было хуже любого звука. Просто в центре зала, в нескольких метрах над алтарём, появилось нечто. Абсолютное, совершенное нечто. Не тьма — тьма была бы чем-то. Это было отсутствие всего. Отсутствие света, отсутствие материи, отсутствие самой идеи существования. И из этого отсутствия хлынули Тени.

Они не были похожи на ту Тень, которую Игорь видел на кладбище. Та была разведчиком — слабой, почти безобидной. Эти были другими. Они были старше. Сильнее. Злее. Они текли из бреши, как дым течёт из горящего здания, как нефть течёт из пробитой скважины, как сама смерть течёт из раны в реальности, которую люди не должны были видеть. Они не имели формы — или имели все формы сразу. Они менялись каждую секунду: то становились похожи на человеческие фигуры, искорёженные и вывернутые наизнанку, то распадались на тысячи мелких осколков тьмы, то сливались в одну огромную волну, которая катилась по залу, поглощая свет и тепло.

— Тени! — крикнул Марк, и в его голосе, обычно таком спокойном, прозвучал настоящий, животный страх. — Громов! Огонь!

Громов и его бойцы открыли стрельбу. Четыре автомата ударили одновременно, посылая в наступающую тьму сотни пуль. Грохот выстрелов заметался по залу, отскакивая от стен, и этот звук, такой привычный, такой человеческий, прозвучал почти кощунственно в этом древнем, нечеловеческом месте. Трассирующие пули оставляли в воздухе светящиеся следы, и эти следы вонзались в Тени — и гасли. Просто гасли, как спички, брошенные в океан. Тени не замечали пуль. Они продолжали течь из бреши, расползаться по залу, и их холод становился всё невыносимее.

— Не работает! — крикнул Громов, перезаряжая автомат. — Пули их не берут!

— Я вижу! — Марк выхватил из-за пояса гранату. — Гранаты! Живо!

Две гранаты полетели в гущу Теней. Взрывы грохнули так, что у всех заложило уши. Осколки брызнули во все стороны, высекая искры из каменных стен. Дым рассеялся — и все увидели, что Тени даже не замедлились. Они продолжали наступать, и теперь их было больше, чем секунду назад. Гораздо больше.

— Твою мать! — выдохнул один из бойцов, молодой парень по фамилии Сергеев, тот самый, что перебирал чётки в вертолёте. — Твою мать, они не останавливаются!

— Отходим к алтарю! — скомандовал Громов. — Держать строй!

Но Сергеев не отступил. То ли страх парализовал его, то ли он решил, что бежать бесполезно — но он остался стоять на месте, вскинув автомат, и стрелял, пока магазин не опустел. А потом щёлкнул затвором, на шаривая новый магазин, и в этот момент одна из Теней — самая большая, самая чёрная, самая голодная — метнулась к нему.

Это произошло за долю секунды. Тень не напала на него — она просто поглотила его. Обтекла, как вода обтекает камень, и когда она схлынула, Сергеева не было. Только автомат упал на пол с глухим лязгом, и эхо этого звука заметалось по залу, как похоронный колокол.

— Сергеев! — заорал Громов. — Сергеев, мать твою! — Он рванул вперёд, но Марк перехватил его, удержал.

— Поздно! — крикнул Марк. — Ему уже не помочь! Отходим, это приказ!

Громов вырывался, его лицо было искажено яростью и горем. Он потерял бойца. Своего бойца. Человека, с которым, может быть, служил не один год, с которым делил паёк и кров. И этот человек только что исчез — не погиб, а именно исчез, — и он ничем не мог ему помочь.

— Мы ещё вернёмся за ним! — рявкнул Марк, встряхивая Громова. — Но сейчас — отходить! Если мы все здесь поляжем, никто не остановит этих тварей!

Громов, скрипя зубами, отступил. Его люди — их осталось трое — последовали за ним, пятась к алтарю, не переставая стрелять. Пули всё так же не причиняли Теням вреда, но сам процесс стрельбы давал иллюзию контроля. Иллюзию того, что они что-то могут.

Игорь смотрел на всё это сквозь пелену Плетения. Он не мог пошевелиться — ритуал держал его, как держат ремни на операционном столе. Но он видел, как Тени пожирают одного из бойцов, видел, как они расползаются по залу, видел, как холод подбирается к его дочери. И от этого зрелища внутри него поднималась ярость. Не та слепая, бездумная ярость, которую он испытывал в НИИ «Нейрон». Другая. Холодная, как сами Тени. Целенаправленная.

«Альма, — позвал он мысленно. — Я должен помочь им».

«Ты не можешь. Если ты прервёшь ритуал сейчас, я не смогу собрать себя. Вся моя энергия рассеется, и Тени прорвутся окончательно».

«Но они же там умирают!»

«Я знаю. — Голос Альмы был полон боли. — Я знаю. Но если ты вмешаешься, умрут все. Не только они. Весь мир. Твоя жена. Твоя дочь. Твой нерождённый ребёнок. Все».

Игорь сжал зубы. Он знал, что Альма права. Знал, что сейчас главное — завершить ритуал. Но как он мог стоять и смотреть, как люди гибнут? Как его дочь стоит в нескольких метрах от надвигающейся тьмы, а он не может даже пошевелиться, чтобы защитить её?

Анна решила эту дилемму за него.

Она отпустила его руку — и Игорь почувствовал, как стабильность Плетения, которую она обеспечивала, пошатнулась. Золотые нити дрогнули, алтарь замигал, и Альма вскрикнула — не от боли, а от неожиданности.

«Что она делает?!»

— Аня! — крикнул Игорь, пытаясь схватить дочь. Но тело не слушалось. Плетение держало его мёртвой хваткой, и он мог только смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.